

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

CYR

ИЗВѢСТІЕ
О
ЖИЗНИ И СТИХОТВОРЕНІЯХЪ
ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

Выраженіе: онъ человѣкъ, къ дѣламъ неспособный! онъ Поэтъ! рѣже слышится, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, которое если не совершенно еще господствуетъ, то по крайней мѣрѣ довольно *обжилось*, чтобы налагать иногда совѣстное молчаніе на уста своихъ противниковъ. Блестящими опытами доказано (и нужны ли были тому доказательства?), что любовь къ изящному, утонченное образованіе ума, сила и свѣжесть чувства, склонность къ занятіямъ возвышеннымъ, искуство мыслить и изъясняться правильно на языкѣ природномъ, и другія душевныя и умственныя принадлежности Писателя, не вредятъ здравому разсудку, твердости въ правилахъ, чистотѣ совѣсти, быстротѣ и точности соображеній и горячему усердію къ пользѣ общественной, требуемымъ отъ Государственнаго человѣка. Невѣжественная спѣсь не догадывается, что буде ея приговоръ окажется справедливымъ, то строгость его падетъ не на Поэзію, и что предосудительнымъ и невыгоднымъ можетъ онъ быть только для тѣхъ, коихъ думаетъ она величать симъ отчужденіемъ отъ непосредственныхъ даровъ природы и отъ достоинствъ неотъемлемыхъ и независимыхъ. Легко постигнуть, отъ чего успѣхи на поприщѣ службы Государственной могутъ противиться постояннымъ занятіямъ литературнымъ и охолодить сердце къ мирнымъ на-

слажденіямъ труда безкорыстнаго; но нѣтъ причины благоразумной, по коей заслуги литтературныя должны быть препятствіемъ развитію Государственныхъ способностей (не говорю успѣховъ) въ Поэтѣ, коего честолюбіе вызываетъ изъ темной сѣни уединенія на блестящую чреду дѣйствующаго гражданина. Не имѣя нужды искать примѣровъ у народовъ, давно опередившихъ насъ въ просвѣщеніи и образованности, мы можемъ выставить на уличеніе клеветы и невѣжества имена Кантемира, Державина, (М. Н.) Муравьева, Нелединскаго и нѣсколько другихъ, которые являются въ одно время и съ честью на стезѣ Государственной жизни и со славою при алтарѣ Музъ. Нѣтъ сомнѣнія, что царствованіе Екатерины II облагородило въ Россіи званіе Писателя. Иные Государи покровительствовали дарованіямъ, но дарованій не любили: Екатерина умѣла ихъ отличать, потому что любить ихъ умѣла. Благоразумнѣе въ любви своей Фридериха II, который, пренебрегая языкомъ своего народа, писалъ на чужомъ, и усердствовалъ къ успѣхамъ однихъ иностранныхъ Писателей, Екатерина Великая, при уваженіи своемъ къ Философамъ, непосредственно дѣйствовавшимъ тогда на развитіе умовъ въ Европѣ, не была равнодушна къ совершенствованію языка народнаго, ободряла покровительствомъ и примѣромъ опыты отечественныхъ Писателей, и чтобы болѣе пріохотить Дворъ, а посредствомъ Двора и общество къ Русскому языку, упражнялась сама въ Русской Словесности. Нерѣдко заказывая Храповицкому Государственную работу, отъ коей зависѣли судьба Европы или благоденствіе Россіи, заготовляла Она вмѣстѣ съ нимъ сцену для комедіи, или поручала ему написать куплетъ для оперы, Ею сочиняемой. Конечно Ея авторскія произведенія не обогатили Словесности

нашей, равно какъ и ботикъ, Петромъ Великимъ сооруженный, не усилилъ нашего флота; но поощреніе Царское и Царскій примѣръ, всегда дѣйствительные, принесли много пользы Словесности нашей. Друзья просвѣщенія, цвѣтущаго въ Ея царствованіе, обязаны равно со всѣми Русскими признательностію Екатеринѣ. Народная благодарность помнить будетъ завсегда, сколь живо, сколь горячо любила Она Русскую славу, отъ коей своей собственной не отдѣляла, и сколь неутомимо и разнообразно заботилась о ея успѣхахъ.

Сему счастливому сочетанію заслугъ Государственныхъ съ литературными заслугами, должны мы тѣмъ, что біографія чиновника не заключается иногда въ одной сухой лѣтописи о прехожденіи его изъ чина въ чинъ, а біографія Поэта удовлетворяетъ любопытству не однихъ любителей Поэзіи, но и людей, требующихъ отъ Стихотворца заслугъ еще другаго рода. Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Ивана Ивановича Дмитріева можетъ заслужить вниманіе читателей, къ которому бы изъ упомянутыхъ разрядовъ они ни принадлежали.

Взглянемъ бѣгло на первые годы его жизни и поприще заслугъ гражданскихъ, которыя довели его до высокихъ почестей, и побережемъ вниманіе свое для обозрѣнія заслугъ литературныхъ, которыя если и не вознаграждаются такимъ блестящимъ и наличнымъ образомъ, какъ первыя, то по крайней мѣрѣ чаще бываютъ долговѣчнѣе въ памяти современниковъ и потомства. Имена хорошихъ Правителей, если событія необыкновенныя не возносятъ ихъ на степень высшую, съ коей могутъ они подѣйствовать непосредственно на жребій Государства и заготовить себѣ мѣсто въ Исторіи народа, должны довольствоваться и пользою и молвою временною; имена

хорошихъ Писателей, незатмѣваемыя блескомъ событій современныхъ, разливающія сіяніе благодѣтельное на эпохи блѣдныя и скудныя, всегда сохраняются признательно у народовъ просвѣщенныхъ, какъ лучшее ихъ достояніе, какъ неотъемлемая собственность! Слава Писателей, залогъ священный, ввѣренный гордости народной, можетъ истребиться только вмѣстѣ съ нею въ народѣ, униженномъ пороками Правительства, или подъ бременемъ собственнаго разврата уронившимъ величіе предковъ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Святыя Анны, Святаго Александра Невскаго и Святаго Князя Владиміра первой степени, Членъ Россійской Академіи, Почетный Членъ Московскаго и Харьковскаго Университетовъ и многихъ Ученыхъ Обществъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, родился въ 1760 году въ Симбирской Губерніи, въ деревнѣ отца своего.

Способы тогдашняго воспитанія были весьма ограничены; нынѣ оно содѣйствуетъ природѣ въ развитіи дарованій и нерѣдко искуственными прививками замѣняетъ первобытную скудость. Такъ искуство и попечительность плодотворятъ почву лѣнивую и черствую! Тогда природа одна и нераздѣльно насаждала и образовала въ любимцѣ своемъ умственныя способности и склонности душевныя. Еще, къ счастію своему, Ив. Ив. Дмитріевъ имѣлъ въ родителѣ человѣка умнаго, образованнаго и чуждаго предразсудковъ, которые господствуютъ въ городахъ, отдаленныхъ отъ средоточія просвѣщенія, и встрѣчаются иногда и въ самыхъ столицахъ. — Симбирскъ отличался всегда предъ прочими губернскими городами, успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности. Съ самаго дѣтства, вниманіе Ив. Ив. Дмитріева было обращено на

предметы достойные любопытства. Новости политическія, придворныя и литературныя скоро доходили изъ Петербурга до семейнаго его общества, и выводили разговоръ изъ обыкновеннаго круга мѣлкихъ сплетней городскихъ, сужденій о пикетѣ и рокомболѣ, и шумныхъ преній о псовой охотѣ. Съ самаго дѣтства научился онъ, примѣромъ родителей, любить чтеніе и слѣдственно уважать званіе Писателя. Но что служило въ то время пищею ума? Какія книги были въ ходу и въ чести у Русскихъ читателей? Нѣкоторые романы, убійственные переводы, которые искажали мастерскія произведенія иностранной Словесности; и молодые воспитанники должны были, такъ сказать, на трупахъ изувѣченныхъ пробуждать въ себѣ духъ жизни, и по грубымъ твореніямъ учиться искуству правильно мыслить и изъясняться!

До двѣнадцатилѣтняго возраста обучался онъ въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ, въ частныхъ училищахъ. О томъ образованіи, которое можно было получить въ сихъ заведеніяхъ, легко составить себѣ понятіе, смотря на многія изъ нынѣшнихъ воспитательныхъ заведеній, и предполагая, что образованность и у насъ идетъ постепенно къ возможному усовершенствованію. Смутныя обстоятельства низоваго края, при мятежѣ Пугачева, не позволили ему пользоваться долго и тѣми скудными способами. Отецъ его со всѣмъ семействомъ былъ принужденъ покинуть родину, убѣгая отъ ужаса, распространяемаго неистовымъ и безразсуднымъ мятежникомъ. На 14 году возраста, И. И. Дмитріевъ былъ посланъ родителемъ въ Петербургъ, явиться въ гвардейскій Семеновскій полкъ, въ которомъ онъ еще съ малолѣтства былъ записанъ въ солдаты, по тогдашнему обыкновенію, угождав-

шему тщеславію родителей, но вредному для молодыхъ людей и пользы Государственной. Не успѣвъ еще не только образовать ума воинскими науками, но и физически и нравственно образоваться, не испытавъ способностей и склонностей своихъ, спѣшили отроки, какъ будто по какому-то невольному обѣту, въ военное званіе, подобно какъ въ прежней Франціи меньшіе братья обречены были до рожденія званію духовному. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полковой школѣ, гдѣ обучали только первымъ правиламъ Рисованія, Математикѣ, Исторіи и Географіи на Русскомъ языкѣ, вступилъ онъ въ дѣйствительную службу. Призовите иностранцевъ, легкомысленныхъ въ сужденіяхъ своихъ о Россіи, и пригласите ихъ вывести изъ предлагаемаго здѣсь обозрѣнія первоначальныхъ лѣтъ жизни, сихъ лѣтъ, такъ сказать, приготовительныхъ, гадательное заключеніе о будущей судьбѣ такого юноши? Какъ неосновательны и какъ далеки отъ истины будутъ ихъ гаданія! Какой неистребимый запасъ душевныхъ силъ должно имѣть въ себѣ, чтобы при несовершенствѣ образованія, не поддаться губительной силѣ обстоятельствъ, всегда стремящихся уравнивать преимущества природныя, и задерживать въ рядахъ толпы, благородныхъ честолюбцевъ, порывающихся выступить изъ обыкновенной среды! Въ Россіи слѣды къ успѣхамъ ума не могли еще быть твердо проложены; каждый шагъ впередъ есть побѣда и завоеваніе, но за то и каждый побѣдитель есть исполинъ. Рядовому дарованію, неувлекаемому движеніемъ общимъ, нельзя ожидать успѣховъ соразмѣрныхъ его достоинству. Не имѣя въ себѣ довольно силы, чтобы утвердиться самобытно, оно, вызываемое честолюбіемъ изъ толпы, въ которой ему душно и неловко, по тщетномъ бореніи, по усиліяхъ похвальныхъ, но

безполезныхъ, поглощается пучиною, тогда, какъ при другихъ обстоятельствахъ, при общемъ стремленіи достигнуло бы оно цѣли, не быстрыми, но твердыми, не блестящими, но вѣрными средствами. Отъ того и умственныя способности наши, неразлившіяся еще по разнымъ степенямъ общества, сосредоточиваются въ нѣсколькихъ лицахъ, которыя, подобно откупщикамъ, завладѣвшимъ нераздѣльно всѣми отраслями и выгодами народной промышлености, отвѣчаютъ частными капиталами за толпу неимущую и живущую ихъ подаяніемъ.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Семеновскомъ полку, былъ онъ, по желанію своему, отставленъ Полковникомъ, при вступленіи на престолъ Императора Павла. Военное ремесло, которое становится столь блестящимъ званіемъ, когда событія призываютъ воина на защиту или прославленіе отечества, не можетъ въ мирныхъ обстоятельствахъ удовлетворять вполнѣ потребностямъ души пылкой и дѣятельнаго ума. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отставки, И. И. Дмитріевъ вступилъ въ службу гражданскую; въ продолженіе перваго ея періода занималъ онъ, между прочимъ, мѣста: Товарища Министра въ Департаментѣ Удѣльныхъ имѣній и Оберъ-Прокурора. Снова вышедъ въ отставку съ чиномъ Тайнаго Совѣтника и пенсіономъ, поселился онъ въ Москвѣ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, посвященныхъ занятіямъ литературнымъ и тихимъ наслажденіямъ жизни изящной и философической. Москва была тогда истинною столицею Русской Литературы и удовольствій общежитія образованнаго. Памятники блестящаго Двора Екатерины доживали свой вѣкъ въ тихой пристани, и придавали Московскому обществу какую-то историческую физіогномію, равно какъ и Кремлевскія стѣны придаютъ ее самому городу.

Многіе открытые домы, куда съѣзжались на хлѣбосольство хозяевъ образованныхъ и достаточныхъ, собесѣдники умные, женщины любезныя, и просвѣщенные путешественники, доставляли людямъ чуждымъ честолюбія и удаленнымъ отъ дѣлъ, пріятныя наслажденія утонченнаго общежитія, признаки несомнительные и плоды образованности зрѣлой. Знаменитый Творецъ Россіяды, Патріархъ Московской Словесности, доживалъ тогда, посреди друзей и почитателей, славу долголѣтнюю и безмятежную. Успѣхи цвѣтущіе и успѣхи разцвѣтающіе искали въ его благосклонномъ добродушіи и одобренія и поощренія. Слѣды 1812 года, въ отношеніи къ вещественному разоренію, столь быстро изглаженные дѣятельностію Правительства и похвальнымъ тщеславіемъ Московскихъ жителей, еще разительно означаются въ отношеніи къ нравственному опустошенію. Цвѣтущій возрастъ Московскаго общества миновалъ, и самыя Московскія Музы какъ-то не опомнились еще отъ ужаса и тревогъ военныхъ.

Въ 1806 году дѣятельность благородная снова вызвала И. И. Дмитріева на поприще службы Государственной. Ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, въ семъ высокомъ Государственномъ мѣстѣ, одаренномъ великимъ Основателемъ своимъ столь значительными преимуществами и прославленномъ въ памяти народной великодушною смѣлостію Долгорукаго и безсмертными строками, писанными Петромъ I съ береговъ Прута, къ собранію Мужей именитыхъ. Въ продолженіе засѣданія своего въ Сенатѣ, И. И. Дмитріевъ былъ три раза удостоенъ Высочайшею довѣренностію, и посыланъ, по особеннымъ порученіямъ, въ разныя губерніи. Въ 1810 году получилъ онъ блистательнѣйшую награду за ревностное

исполненіе обязанностей своихъ по званію Сенатора, и вызванъ изъ Москвы занять мѣсто Министра Юстиціи. Общественное уваженіе къ заслугамъ, пробившимъ себѣ стезю къ высокому назначенію на пути пользы и усердія къ службѣ Государственной, безъ инаго предстательства и покровительства, кромѣ личныхъ достоинствъ, оказалось съ выборомъ Правительства въ совершенномъ согласіи, коимъ всегда дорожитъ попечительная и прозорливая Власть. Между прочими законодательными постановленіями, послѣдовавшими во время управленія его Министерствомъ Юстиціи, замѣчателенъ по Государственной важности Указъ, въ силу коего запрещалось личнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей. Благомыслящіе люди съ признательностію и радостію увидѣли въ семъ благонамѣренномъ распоряженіи Правительства отсѣченіе одной изъ отраслей бѣдственнаго злоупотребленія и надежду на совершенное искорененіе зла. Пробывъ въ званіи Министра въ продолженіе важной эпохи войны народной и слѣдующихъ годовъ, достопамятныхъ для Россіи, уволенъ онъ былъ, по желанію своему, изъ службы, и снова возвратился въ Москву, гдѣ въ послѣдствіи удостоился быть избранъ орудіемъ Высочайшей милости, оказанной пострадавшимъ жителямъ столицы отъ разоренія въ 1812 году.

Всѣ обстоятельства жизни человѣка значительнаго возбуждаютъ общее любопытство: тѣмъ болѣе желаемъ знать, какія были его связи, знакомства, и въ особенности, когда въ кругу ихъ встрѣчаемъ имена равно достойныя уваженія нашего по добродѣтели, или заслугамъ. Счастливая судьба свела нашего Поэта въ Семеновскомъ полку съ Ѳ. И. Козлятевымъ. Умъ образованный, страсть къ ученію, строгій и вѣрный вкусъ въ Литературѣ, и

прекрасныя качества души ясной и благородной были свойствами человѣка, въ которомъ И. И. Дмитріевъ отыскалъ себѣ друга и еще болѣе, *благодѣтеля* (*), по прекрасному выраженію души, почитающей за истинное благодѣяніе пріязнь поучительную и сладостную людей добродѣтельныхъ и возвышенныхъ. „Онъ не могъ (говоритъ Поэтъ въ письмѣ своемъ о покойномъ другѣ) передать мнѣ прекрасной души своей; по крайней мѣрѣ примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго.“ Признаніе трогательное и возвышенное! Такое чувство свойственно только душѣ высокой, и служитъ лучшею похвалою покойника и лучшимъ доказательствомъ, что друзья были достойны другъ друга. Знакомство ихъ началось въ Семеновскомъ полку, когда Ѳ. И. Козлятевъ былъ еще Подпоручикомъ, а нашъ Поэтъ Сержантомъ; взаимная дружба, испытанная временемъ и всѣми измѣненіями жизни, прервана была одною смертію. Въ его судѣ о Русской Словесности, всегда основанномъ на чувствѣ изящнаго, Поэтъ нашъ почерпалъ сію вѣрность и утонченность вкуса, которыя послѣ руководствовали его дарованіемъ. Въ его библіотекѣ пользовался онъ старыми и новѣйшими произведеніями Французской Литтературы, особенно имъ одобряемыми, чаще же всего классическими, коихъ отпечатокъ ознаменовалъ самыя первыя его творенія въ то время, когда и охота и самыя средства къ чтенію иностранныхъ Писателей были такъ рѣдки и скудны. Любопытно знать, что при дружбѣ, столь тѣсно ихъ связывавшей, Поэтъ никогда не показывалъ своихъ стиховъ другу, равно какъ и старшему брату своему и сослуживцу, о коемъ Русской путешественникъ

(*) Выраженіе И. И. Дмитріева.

упоминаетъ въ своихъ письмахъ, и коего любовные стихи читаемъ въ Московскомъ Журналѣ, писанные *подъ Шведскими ядрами*, по выраженію Издателя. Козлятевъ узналъ вмѣстѣ съ публикою о поэтическомъ дарованіи своего друга: съ какимъ живымъ удовольствіемъ долженъ онъ былъ привѣтствовать цвѣты, разцвѣтшіе тайкомъ отъ него, но, безъ сомнѣнія, отъ его попечительнаго участія и благотворнаго вліянія на склонности и образованіе Поэта. Въ молодости своей Козлятевъ и самъ писалъ стихи, но также не показывалъ ихъ другу. Вѣроятно находятся и переводы его, можетъ быть и напечатанные безъ его имени. Необыкновенная скромность его только однажды дозволила ему показать другу прекрасный переводъ одной изъ древнихъ Элегій; къ сожалѣнію, сей опытъ не былъ напечатанъ, и потерянъ. Не можемъ удержаться отъ удовольствія привести здѣсь одну прекрасную черту изъ жизни сего благодѣтельнаго человѣка. Въ истинныхъ друзьяхъ и печали и радости общія; кажется, что и самыя добродѣтели одного отражаются на другомъ, и потому никакія подробности, служащія къ чести Козлятева, не могутъ казаться здѣсь неумѣстными. Онъ имѣлъ небольшую деревню въ Владимірской губерніи; однажды пишетъ онъ къ своимъ крестьянамъ: „На нынѣшній годъ не присылайте мнѣ оброка: у меня остается на годовой прожитокъ довольно денегъ отъ прошлаго."

Въ послѣдствіи И. И. Дмитріевъ былъ въ связи со всѣми Литтераторами нашими, которые прославились въ концѣ протекшаго столѣтія. Державинъ любилъ его, довѣрялъ его вкусу и слѣдовалъ иногда его совѣтамъ; стихи нашего Поэта на смерть его первой супруги, исполненные чувства глубокаго, доказываютъ и его привязан-

ность къ знаменитому Лирику. Въ домѣ его познакомился онъ со Львовымъ (Н. А.), оставившимъ по себѣ нѣсколько пріятныхъ стихотвореній, и съ фонъ-Визинымъ, за нѣсколько часовъ до его смерти.

Излишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о дружбѣ тѣсной и, такъ сказать, гласной, соединяющей его съ Писателемъ знаменитымъ, дружбѣ примѣрной и поучительной, возраставшей отъ самой юности на равнѣ съ ихъ лѣтами и славою, и заимствовавшей новый блескъ и новую связь отъ соперничества въ успѣхахъ, такъ часто служащаго къ помраченію и разрыву пріязни въ людяхъ, коимъ чужія достоинства кажутся всегда собственными неудачами, а чужія удачи личными оскорбленіями.

Никто лучше Автора нашего не могъ бы составить обозрѣнія и записокъ литературныхъ послѣдняго полустолѣтія. Умъ наблюдательный, взглядъ зоркій и вѣрный, память счастливая, мастерство повѣствованія, вкусъ строгій и чистый, долгое обращеніе съ книгами и Писателями, — все ручается за успѣшное исполненіе предпріятія, коего, смѣемъ сказать, мы почти въ правѣ требовать отъ Автора, уже принесшаго столько пользы Словесности нашей. У насъ Государственные люди, Полководцы, Писатели, Художники преходятъ молчаливо и какъ бы украдкою поприще дѣйствія своего и, по большой части въ жизни сопровождаемые равнодушіемъ, по кончинѣ награждаются однимъ забвеніемъ. Смерть ихъ похитила, и изъ частной ихъ жизни молва ничего не завѣщаетъ намъ ни поучительнаго, ни занимательнаго, и ни одинъ голосъ не раздается для сохраненія ихъ памяти. На холодной и неблагодарной почвѣ остываютъ и изглаживаются всѣ слѣды бытія человѣка знаменитаго при жизни, но который по смерти оставляетъ намъ, какъ

извѣстный Бригадиръ, развѣ только одно преданіе въ газетахъ, что *онъ выѣзжалъ въ Ростовъ*. Суворовъ живъ у насъ въ однихъ реляціяхъ военныхъ, конечно достаточныхъ для его славы, но не для любопытства нашего. Ломоносовъ, коего жизнь, можетъ быть, болѣе самыхъ твореній его исполнена Поэзіи, еще ожидаетъ Біографа искуснаго. Извѣстіе о жизни его, изданное Академіею, скудно, а какой богатый предметъ для Философа, Поэта, Историка, который найдетъ въ немъ и поучительность истины строгой и всю чудесность романическихъ вымысловъ! Дикій рыбакъ въ Холмогорахъ, пробуждаемый откровеніемъ природы, гонимый изъ родины потребностію чего-то неизвѣстнаго и пророческою тоскою генія; Прусскій солдатъ въ крѣпости Германской; преобразователь языка, Поэтъ и ученый соревнователь первѣйшихъ Лириковъ и Франклина въ Петербургѣ, едва только возникающемъ къ просвѣщенію. Какое разнообразіе въ картинѣ, какая игра и глубокая таинственность въ предназначеніи судьбы человѣческой! Гордость народная, источникъ любви къ отечеству, сей первой добродѣтели народа и сего перваго залога его славы, не можетъ и не должна быть слѣпымъ чувствомъ пристрастія, или грубымъ самохвальствомъ. Пусть почерпается она изъ точнаго познанія всего, что можетъ въ глазахъ нашихъ возвысить достоинство страны, въ коей мы родились, народа, коему принадлежимъ, изъ сродства нашего съ мужами, коихъ дѣятельная и плодотворная жизнь содѣйствовала благоденствію и славѣ отечества, и кои имѣютъ еще болѣе права на нашу благодарность, чѣмъ на благодарность своихъ современниковъ, ибо пора сѣянія не есть пора жатвы.

Во Франціи Писатель, оставившій по себѣ страничку стиховъ въ гостепріимномъ *Календарѣ Музъ*, по смерти своей занимаетъ нѣсколько страницъ въ Журналахъ и Біографическихъ Словаряхъ, а изъ нихъ переходитъ въ область Исторіи. Такая мѣлочная попечительность можетъ казаться неумѣстною и смѣшною въ чужѣ; но въ своей землѣ она есть полезное поощреніе ко всѣмъ предпріятіямъ общественнымъ, побужденіе къ славѣ и средство успѣшное для поддержанія и подкрѣпленія семейственной связи народа, которая прерывается и рушится тамъ, гдѣ старина безъ преданій, а настоящее безъ честолюбивыхъ упованій на будущее.

Въ 1791 году Карамзинъ, возвратившійся въ Россію съ умомъ, обогащеннымъ наблюденіями и воспоминаніями, собранными въ путешествіи по Государствамъ классической образованности Европейской, началъ издавать *Московскій Журналъ*, съ коего, не во гнѣвъ старозаконникамъ будь сказано, начинается новое лѣтосчисленіе въ языкѣ нашемъ. Въ семъ изданіи, на мрачныхъ развалинахъ готическихъ, положено первое основаніе зданія правильнаго и свѣтлаго нашей возраждающейся Словесности.

Въ Московскомъ Журналѣ встрѣчаются первыя печатныя стихотворенія нашего Поэта, признанныя имъ и вкусомъ. Многія изъ нихъ не были послѣ перепечатаны; но любители стиховъ и наблюдатели постепеннаго усовершенствованія дарованій съ удовольствіемъ отъискиваютъ нѣкоторыя преданныя Авторомъ забвенію, а въ другихъ слѣдуютъ за исправленіями, коими очищалъ ихъ вкусъ образующійся и разборчивость строжайшая. Въ худомъ Писателѣ и случайныя красоты его никому не въ пользу: въ хорошемъ и самыя погрѣшности служатъ предметомъ наблюденія и ученія. „Что меня отличаетъ

отъ Прадона? Слогъ! говорилъ Расинъ. А слогъ, какъ и тѣлесныя силы, зрѣетъ и мужаетъ отъ изощренія и времени. Въ посредственныхъ Писателяхъ постепенныя измѣненія не такъ разительны: они въ самой молодости являютъ истощеніе и холодность преклонныхъ лѣтъ; въ возрастѣ мужества отзывается въ ихъ лепетаніи недозрѣлость и невинность ребячества. Въ Писателяхъ образцовыхъ переходы иногда неимовѣрны. Боссюэтъ въ первыхъ опытахъ былъ надутъ и до невѣроятія погрѣшалъ противъ вкуса. У него встрѣчаются выраженія: „*да здравствуетъ Вѣчный*!“ Дѣтей называетъ онъ: *рекрутами человѣческаго рода*.

Авторы-друзья собирались издать свои сочиненія въ одной книгѣ; обстоятельства не позволили исполнить намѣренія. Карамзинъ напечаталъ свои прежде, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*. „Какъ же мнѣ назвать свою книгу?“ сказалъ однажды товарищъ опоздавшій: „развѣ *И мои бездѣлки*?“ Такъ и сдѣлалось; и въ самомъ дѣлѣ *Ермакъ*, *Причудница*, такія же бездѣлки, какъ *Наталья боярская дочь*, *Дарованія*, т. е. бездѣлки для таланта, который разсыпаетъ ихъ легкою рукою, и камни преткновенія для посредственности безсильной и зависти, тщетно разбивающей о нихъ орудія своей досады. Нѣкоторые еще и понынѣ держатся буквальнаго значенія наименованій, данныхъ Авторами своимъ произведеніями. Эти люди не пробуждаются, но оглушаются звономъ словъ высокопарныхъ, и по свѣтской привычкѣ они платятъ спѣси Авторской дань приличную достоинству; дарованія не распознаютъ, если оно показывается подъ завѣсою скромности. Для нихъ громкое наименованіе книги есть тоже, что знакъ отличія на человѣкѣ, то есть, требованіе на безусловное поклоненіе. Послѣ

изданія *И моихъ бездѣлокъ*, вышедшаго въ Москвѣ въ 1795 году, было, сказываютъ, напечатано и другое, но безъ вѣдома Автора. — Тутъ, какъ и въ *Московскомъ Журналѣ*, находятся стихотворенія, исключенныя Авторомъ изъ послѣдовавшихъ изданій, но которыя хранятся въ памяти у Литтераторовъ. Игривые стихи: *Къ пріятелю съ дачи*, сверкаютъ веселостію и остроуміемъ Французскимъ.

Отъ 1795 до 1818 года разошлось шесть изданій Поэта нашего, не считая двухъ изданій Басень, изъ коихъ послѣднее было перепечатано въ 1810 году. Такое явленіе обыкновенно въ другихъ Государствахъ, гдѣ всѣ читаютъ и все читается; но у насъ, гдѣ число читателей ограничено, а разборчивость ихъ если не всегда проницательна, то покрайней мѣрѣ взыскательна, и цѣна на книги чрезмѣрно высока, такой примѣръ замѣчателенъ и утѣшителенъ. Пускай недовольные вопіютъ противъ непризнательности и несправедливости общества: мы, забывая о иныхъ ложныхъ приговорахъ публики, которая, какъ и другой судья, подвержена бываетъ иногда заблужденіямъ, обольщенію и лицепріятію, порадуемся за нее и за Писателей, когда видимъ блестящіе опыты ея разумѣнія и справедливости.

Кажется, что вопросъ: кого должны мы утвердительно почесть основателями нынѣшней прозы и настоящаго языка стихотворнаго? давно уже рѣшенъ большинствомъ голосовъ. Языкъ Ломоносова въ нѣкоторомъ отношеніи есть уже мертвый языкъ. Сумароковъ подвинулъ у насъ ходъ и успѣхи Словесности, но не языка. Языкъ Петрова, Державина, обильный поэтическою смѣлостію, красотами живописными и быстрыми движеніями, не можетъ быть почитаемъ за языкъ классическій или образцовый. Подражатели ихъ удачнаго свое-

вольства, остановясь на одной безобразности, не переступятъ никогда за черту, недосягаемую для посредственности, черту, за коею геній похищаетъ право сбросить съ себя яремъ докучныхъ условій, его рукою порабощенныхъ и предъ нимъ безмолвствующихъ. Языкъ Хераскова и ему подобныхъ отцвѣлъ вмѣстѣ съ ними, какъ нарѣчіе скудное, единовременное, не взросшее отъ корня живаго въ прошедшемъ и не пустившее отраслей для будущаго. Въ нѣкоторыхъ изъ стиховъ и прозаическихъ твореній фонъ-Визина обнаруживается умъ открытый и острый; и хотя онъ первый, можетъ быть, угадалъ игривость и гибкость языка, но не оказалъ совершенно авторскаго дарованія: слогъ его есть слогъ умн[illegible] человѣка, но не писателя изящнаго. Богдановичь, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ Душеньки и другихъ стихахъ, коихъ доискиваться должно въ безднѣ стиховъ обыкновенныхъ, можетъ назваться баловнемъ счастія, но не питомцемъ искуства. Мольеръ говорилъ о Корнелѣ, что какой-то добрый духъ нашептываетъ ему хорошіе стихи его: тоже можно сказать и о пѣвцѣ Душеньки, сожалѣя, что духъ враждебный такъ часто наговаривалъ ему на другое ухо — стихи вялые и нестройные. Если и полагать, что нерадивый Хемницеръ трудился когда нибудь надъ усовершенствованіемъ языка, то развѣ съ тѣмъ, чтобы домогаться въ стихахъ своихъ совершеннаго отсутствія искуства. Но, отвергая предположеніе невѣроятное, признаемся, что простота его иногда плѣнительная, часто уже слишкомъ обнажена; къ тому же онъ, упражняясь только въ одномъ родѣ Словесности, и не могъ рѣшительно дѣйствовать на образованіе языка. Всѣ сіи Писатели и нѣсколько другихъ, здѣсь не упомянутыхъ, болѣе или менѣе обогащали постепенно нашъ

языкъ новыми оборотами и новыми соображеніями, и расширяли его предѣлы; но со всѣмъ тѣмъ признаться должно, что и посредственнѣйшіе изъ Писателей нынѣшнихъ (разумѣется и здѣсь найдутся изключенія), пишутъ не языкомъ Княжнина и Емина, стоящихъ гораздо выше многихъ современниковъ нашихъ, если судить о дарованіи авторскомъ, а не о превосходствѣ слога. Ѳемистоклъ и Аннибалъ конечно были одарены геніемъ воинскимъ, коего не найдемъ въ каждомъ изъ современныхъ нашихъ генераловъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ усовершенствованіи военнаго искуства, каждый изъ нихъ, при малѣйшемъ образованіи, пользуется средствами, облегчающими ему успѣхи, о коихъ древніе полководцы, не взирая на всю обширность своихъ соображеній, и мысли не имѣли. Строгая справедливость и обдуманная признательность, называя двухъ основателей нынѣшняго языка нашего, соединяетъ еще новыми узами имена, сочетанныя уже давно постоянною и примѣрною дружбою. Отвращеніе ко всѣмъ успѣхамъ ума человѣческаго ополчило и здѣсь соперниковъ во имя старины, противъ Карамзина и Дмитріева, развивающихъ средства языка, еще недовольно обработаннаго, и обогащающихъ сей языкъ добычею, взятою изъ его собственныхъ сокровищъ. Сіе раскрытіе, сіи примѣненія къ нему понятій новыхъ, сіи вводимые обороты называли Галлицизмами, и можетъ быть не безъ справедливости, если слово *Галлицизмъ* принято въ смыслѣ *Европеизма*, т. е., если принять языкъ Французскій за языкъ, который преимущественнѣе можетъ быть представителемъ общей образованности Европейской. Согласиться должно, что вкусъ Французской Словесности, которая преимущественно образовала умъ и дарованія нашихъ двухъ Писателей, замѣтенъ въ ихъ произведеніяхъ; но и то неоспо-

римо, что, при тогдашнемъ состояніи нашей Литературы, писателямъ, вызываемымъ дарованіями отличными изъ тѣснаго круга торжественныхъ одъ и прозы ребяческой или высокопарной, въ коей по большой части были въ обращеніи одни слова, а не мысли, должно было заимствовать обороты изъ языковъ уже созрѣвшихъ, и прививать ихъ рукою искусною къ своему языку, пріемлющему съ пользою все то, что только не противится коренному его свойству. Мы могли бы спросить, изъ которыхъ языковъ прививки были бы выгоднѣе для Русскаго языка, и свойственнѣе ли ему *Германизмы*, *Англицизмы*, *Италіянизмы*, даже Эллинизмы и Латинизмы? Но рѣшеніе сего вопроса не подлежитъ настоящему разсужденію, и не удовольствовало бы ни въ какомъ случаѣ гнѣва противниковъ, готовыхъ поразить равнымъ проклятіемъ все то, что не заклеймено печатію старины и не освящено правомъ давности, единственнымъ правомъ, коему покланяются умы лѣнивые и робкіе. Не слышимъ ли ежедневно смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ защитниками здравой Словесности, *школьными Классиками*, надъ смѣлыми покушеніями Жуковскаго, который мастерскою рукою похитилъ красоты съ Германской почвы, и, пересадивъ на нашу, укоренилъ ихъ въ Русской Поэзіи? Лучше носиться иногда съ Шиллеромъ и Гёте въ безбрежныхъ областяхъ своенравнаго воображенія, чѣмъ пресмыкаться вѣчно на лощинахъ посредственности, не отступая, для успокоенія совѣсти, отъ правилъ условныхъ, коихъ затруднительное соблюденіе можетъ придать лучшій блескъ твореніямъ изящнымъ, но не въ состояніи придать достоинства творенію плоскому и бездушному. Наша Словесность еще въ такомъ несовершеннолѣтіи, что каждая попытка дарованія, будетъ ли она утверждена или

отринута дальнѣйшимъ употребленіемъ, неминуемо должна ей и языку обратиться въ пользу.

Примѣчательно и забавно то, что Карамзинъ и Дмитріевъ, какъ великіе полководцы, которые преобразовавъ искуство военное, кончаютъ тѣмъ, что самыхъ враговъ своихъ научаютъ сражаться по системѣ, ими вновь введенной, научили непримѣтнымъ образомъ и противниковъ своихъ писать съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ по-своему. Какъ часто видѣли мы, что присяжные заступники старинныхъ писателей витійствуютъ за нихъ и противъ новѣйшихъ, на языкѣ утвержденномъ сими послѣдними! Языки, прославленные твореніями Данта, Шекспира и другіе, не смотря на огромность славы своихъ образователей и ненарушимость правъ ея на уваженіе потомства, не могли пребыть неизмѣнными у народовъ зрѣлѣйшихъ въ образованности: зачѣмъ же на насъ однихъ налагать неподвижность и задерживать естественный ходъ языка, который только-что начинаетъ выходить изъ отроческаго возраста и нуждается еще въ правилахъ, утвержденныхъ употребленіемъ или законною властію? Повѣрить легко, что для многихъ онъ достаточно, если не съ излишествомъ, изобилуетъ оборотами и соображеніями; найдутся люди и даже въ числѣ Писателей нашихъ, которые нѣсколькими сотнями словъ могли бы выручить полную сумму своихъ наличныхъ понятій; но забывать не должно, что при этомъ родѣ людей угомонныхъ и умѣренныхъ бываютъ и такіе, коихъ неутолимая жажда къ пріобрѣтеніямъ безпрерывно умножаетъ богатство языка, а съ ними и его потребности. Умъ человѣка знаетъ отдыхъ и бездѣйствіе; но умъ человѣческій завсегда въ работѣ и движеніи наступательномъ. Новыя понятія, новыя открытія въ

наукахъ, новыя устройства въ порядкѣ гражданскомъ, требуютъ и новыхъ выраженій или новыхъ соображеній въ значеніи словъ уже извѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и самый нашъ языкъ, уже измѣнившійся, измѣнится еще, по мѣрѣ, какъ мы будемъ непосредственнѣе и дѣйствительнѣе участвовать въ общемъ ходѣ образованности и просвѣщенія. Исторія Государства Россійскаго составляетъ сама эпоху въ слогѣ Карамзина и слѣдственно эпоху и въ Русскомъ языкѣ.

Нашъ Поэтъ въ разныхъ родахъ испытывалъ свои силы, и намъ можно жалѣть не о томъ, чтобы онъ, не совѣтуясь съ своимъ геніемъ, принимался за иное, но о томъ, что, не совѣтуясь съ выгодами читателей, не умножилъ, и еще болѣе не разнообразилъ своихъ опытовъ. — Начнемъ съ лирическихъ твореній обозрѣніе его трудовъ поэтическихъ.

Народныя воспоминанія, славныя событія отечественныя, внезапная и чудная смерть исполина, коего жизнь и знаменитость имѣли что-то своенравное и баснословное, явленія природы, кои въ разнообразномъ однообразіи своемъ живѣе самыхъ явленій общества дѣйствуютъ на душу поэта, пробуждали и въ нашемъ сей восторгъ пламенный и увлекательный, коему нельзя научиться въ Піитикахъ, ни подражать съ помощію искуства, если онъ не зажженъ въ насъ рукою природы, и который одинъ творитъ истинныхъ Лириковъ. Въ лирическихъ произведеніяхъ его не найдешь сихъ одъ торжественныхъ, писанныхъ, такъ сказать, подъ руководствомъ личныхъ вдохновеній, на такой-то случай или день, и непереживающихъ въ памяти любителей поэзіи ни случая, ни дня, ни героя, для коего онѣ были изготовлены. Паскаль говорилъ, что вся поэзія заключается *въ бѣдственномъ лаврѣ, прелестномъ свѣтилѣ* (laurier fatal, bel astre) и тому

подобныхъ выраженіяхъ. Паскаль доказалъ, что можно при умѣ глубокомъ и обширномъ не имѣть чувства поэзіи; но если бы кто у насъ сказалъ, что за исключеніемъ первенствующихъ Лириковъ, языкъ лирическій составленъ изъ *райскихъ криновъ*, изъ безотвѣтныхъ вопросовъ: *что зрю? какой восторгъ! куда парю?* — то доказалъ бы, что онъ съ прилежаніемъ вникнулъ въ тайну многихъ нашихъ Лириковъ. Не подражая рабски и слѣпо предшественникамъ своимъ на поприщѣ Лирической поэзіи, нашъ Поэтъ умѣлъ себѣ присвоить родъ, еще не испытанный ни Ломоносовымъ, ни Петровымъ, ни Державинымъ. Два образца, которые приличнѣе назвать Лирическими поэмами, нежели одами, доказываютъ, что можно и не ревнуя въ звучности и плавности съ отцемъ нашей Поэзіи, ни въ смѣлости порывовъ и выраженій съ двумя его преемниками, занять мѣсто почетное въ числѣ Лириковъ. — *Ермакъ*, *Освобожденіе Москвы*, *Гласъ Патріота*, исполнены огня поэтическаго и, что еще лучше, если оно въ такомъ случаѣ не одно и тоже, огня любви къ отечеству, не сей любви грубой, которая болѣе охлаждаетъ душу читателей, но любви возвышенной, переливающей въ другихъ пламень животворный, коимъ она согрѣвается. Тутъ Лирикъ *напрягши умъ, наморщивши чело*, не карабкается на ходули восторга, даже и неискуственнаго, не замѣняетъ плоскости щадушнаго своего предмета пухлостію выраженій; но возвышается наравнѣ съ нимъ и заимствуетъ свой жаръ отъ чувства, которое имъ овладѣло. Ермакъ — мрачная и угрюмая картина, въ коей поэзія та же живопись; не знаю только, употреблены ли въ ней съ вѣрностію краски мѣстныя и сродныя лицамъ и сценѣ, на коей они дѣйствуютъ. Драматическое дви-

женіе, данное сему произведенію, есть опытъ новый и мастерской. Стихъ:

И вскорѣ скрылися въ туманѣ,

вывѣска необыкновеннаго искуства. Эта черта довершаетъ картину превосходнымъ образомъ. Воображеніе слѣдуетъ взоромъ за Шаманами, скрывающимися въ туманѣ, какъ и самая слава ихъ отечества, которое они оплакиваютъ. Бой Ермака съ Мегметъ-Куломъ оживляется въ глазахъ читателей, и звучность стиховъ разительныхъ и твердыхъ, дополняетъ обманомъ слуха обманъ глазъ, — обольщенныхъ искуствомъ Поэта. — Г-жа Сталь въ Десятилѣтнемъ изгнаніи говоритъ: „Русскій языкъ очень звонокъ; я готова сказать, что въ немъ есть что-то металлическое.“ Можно подумать, что она сдѣлала это заключеніе, слушая стихи изъ упомянутаго отрывка.

Въ Освобожденіи Москвы болѣе движеній и дѣйствія, чѣмъ въ нѣсколькихъ пѣсняхъ Россіяды, выбранныхъ на произволъ. Поэтъ даетъ въ первомъ произведеніи образецъ живописный боя, здѣсь образецъ битвы. Сжатая, но мастерскими чертами означенная картина ужаса, распространяемаго пирующею смертію, отличается отдѣлкою совершенною. Тутъ, въ нѣсколькихъ стихахъ, приведено все, что можетъ возбудить въ сердцѣ чувство сострадания къ жертвамъ войны и опустошенія, всегда ей сопутствующаго. Вообще сіи два произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ силы безъ напряженія, смѣлости безъ своевольства, искуства безъ принужденія; что составляетъ въ Поэтѣ нашемъ отличительные признаки его лирическаго дарованія. Желательно, чтобы данный имъ примѣръ, почерпать вдохновеніе поэтическое въ источникѣ исторіи народной, имѣлъ болѣе подражателей. Источникъ сей нынѣ расчищенъ рукою искусною и

въ нѣдрахъ своихъ содержитъ все то, что можетъ даровать жизнь истинную и возвышенную Поэзіи. Пора, выводя ее изъ тѣснаго круга общежительныхъ удовольствій, вознести на степень высокую, которую она занимала въ древности, когда поучала народы и воспламеняла ихъ къ мужеству и добродѣтелямъ государственнымъ. „Должно непремѣнно,“ говоритъ Г-жа Сталь въ помянутой книгѣ, „чтобы Русскіе писатели почерпали Поэ„зію въ ближайшихъ чувствахъ, таящихся у нихъ во глу„бинѣ души. Они донынѣ, такъ сказать, шевелятъ только „губами, и никогда народъ, столь пылкій, не можетъ „быть растроганъ такими глухими звуками!“ Постараемся избѣгнуть сего справедливаго упрека, и пусть Поэзія, мужая вмѣстѣ съ вѣкомъ, отстаетъ отъ игръ ребяческихъ, въ коихъ нѣжится ея продолжительное отрочество.

Въ *Гласѣ Патріота*, можетъ быть, преимущественнѣе царствуетъ сей восторгъ, сіи лирическія движенія, о коихъ многіе толкуютъ, но кои не многимъ извѣстны. Стихотвореніе сіе было писано Поэтомъ въ Сызрани, по невѣрному и, такъ сказать, еще пророческому извѣстію о рѣшительной побѣдѣ Суворова надъ Поляками. Поэтъ разувѣрился въ истинѣ воспѣтаго имъ торжества; но не менѣе того послалъ онъ свои стихи къ Державину, по привычкѣ довѣрять ему всѣ вдохновенія своей Музы. Они получены были въ Петербургѣ почти въ одно время съ извѣстіемъ о плѣненіи Костюшки, и тотчасъ напечатаны Державинымъ, на счетъ Кабинета, съ перемѣною изъ стиха:

Изчезла Собіесковъ слава!

въ стихъ:

Костюшкина изчезла слава!

перемѣна, скажемъ мимоходомъ, болѣе историческая, чѣмъ

поэтическая. Весь городъ и сама Екатерина почитали тогда сіи стихи за стихи Державина, замѣчая въ нихъ нѣкоторые его пріемы и расчитывая, что въ отдаленіи не могло еще дойти извѣстіе, только передъ тѣмъ въ Петербургѣ полученное. Въ семъ стихотвореніи нѣтъ конечно исполинской силы и роскоши поэтической, которыя видимъ въ произведеніи Державина, писанномъ на тоже событіе; но за то нѣтъ въ Державинѣ искуства, осторожности, не вредящей впрочемъ смѣлости движеній лирическихъ, и вообще той отдѣлки и чистоты, которыя отличаютъ нашего Поэта.

Въ стихахъ *Къ Волгѣ*, какъ и во всѣхъ его другихъ, не обнаруживается стремительность пламенная, которая, преодолѣвая всѣ оплоты, исторгаетъ невольно и удивленіе безмолвное; но видно сіе искусное благоразуміе Поэта, предписывающее ему совѣтоваться съ своимъ геніемъ и пользоваться принадлежностями, ему сродными. Поэтъ, воспѣвая Волгу, не увлекается, подобно пѣвцу *Водопада*, воображеніемъ своенравнымъ и неукротимымъ; но, управляя имъ, описываетъ вѣрно и живо то, что видитъ, и заимствуетъ изъ преданій историческія воспоминанія для отдѣлки картины не обширной, не яркой, но стройной, свѣжей и правильной.

Размышленіе по случаю грома — содержитъ стихи сильные, точные, гдѣ слова, такъ сказать, въ обрѣзъ и на перечётъ, заставляютъ забывать о недостаткѣ риѳмы, — украшенія стиховъ хорошихъ и необходимости стиховъ посредственныхъ. — Въ одахъ Гораціанскихъ, подражаніе одѣ I-й изъ III книги можетъ назваться классическимъ. — Пѣсни его долго пользовались — однѣ съ пѣснями Нелединскаго, — славою быть присвоенными поломъ, для коего онѣ пишутся, въ то время, когда Русскій языкъ не былъ еще признанъ Граціями. Мы имѣемъ множество пѣсенъ, но

большая часть изъ нихъ могутъ быть уподоблены древнимъ монетамъ, покоящимся въ кабинетахъ Ученыхъ, но непускаемыхъ въ обращеніе; если изъ огромныхъ пѣсенниковъ нашихъ исключить всѣ пѣсни, которыя не поются, то пришлось бы книгопродавцамъ преобразовать свои толстые томы въ маленькія тетрадки.

Какъ Фонъ-Визинъ одинъ написалъ Русскую комедію, въ коей изобличаются дурачества и пороки не заимствованные, а природные, не пошлые, а личные; такъ и нашъ Поэтъ одинъ написалъ и, къ сожалѣнію, одну Русскую сатиру, въ коей осмѣивается слабость, господствовавшая только на нашемъ Парнасѣ. *Недоросль* и *Чужой толкъ* носятъ на себѣ отпечатокъ народности, мѣстности и времени, который отлагая въ сторону искуство авторское, придаетъ имъ цѣну отличную. Легко можно написать комическую сцену, или десятокъ рѣзкихъ стиховъ сатирическихъ, при талантѣ и начитанности; но быть живописцемъ образцовъ, посреди коихъ живемъ, писать картины не на память, или наобумъ, но съ природы, ловить черты характерическія, оттѣнки въ физіономіи лицъ и обществъ, можно только при умѣ наблюдательномъ, прозорливомъ и глубокомъ. Тогда удовольствіе соединяется съ пользою въ произведеніи искуства, и Авторъ достигаетъ высоты назначенія своего: быть наставникомъ согражданъ. — *Сокращенный переводъ Ювеналовой сатиры*, если не вездѣ равно выдержанъ, то по крайней мѣрѣ отличается блестящими и мужественными стихами и вообще одушевленъ тѣмъ благороднымъ негодованіемъ, которое было Аполлономъ Римскаго Сатирика. — Переводъ изъ Попа, хотя и поставленъ въ числѣ Посланій, можетъ почтенъ быть за Сатиру, въ коей Поетъ остроумно, а иногда и съ чувствомъ, жалуется другу своему на поло-

женіе въ обществѣ Автора, коему не рѣдко жить худо и отъ друзей и отъ враговъ его. Сей переводъ отдѣланъ тщательнѣе и удачнѣе предъидущаго: свободность въ стихосложеніи, правильность и красивость слога, почти вездѣ постоянная естественность языка стихотворнаго, даютъ право назвать сіе произведеніе и первымъ опытомъ и едва ли не лучшимъ образцемъ такого рода Поэзіи на языкѣ нашемъ.

Посланіе къ Карамзину изобилуетъ красотами живописной Поэзіи и вообще ознаменовано духомъ унынія трогательнаго, потому, что въ немъ отзывается истина чувства, а не холодное притворство поддѣльной чувствительности. — Стихи *Къ Графу Румянцову* отличаются легкостію, приличіемъ, тонкостію вѣжливости, обнаруживающею дарованіе природное, но воспитанное и изощренное въ обществѣ: такъ писали Французы въ лучшее время ихъ Литературы, но никто такъ не писывалъ у насъ до нашего Автора. — Сколько истинной Поэзіи и чувства въ Посланіи *Къ Друзьямъ,* которое одно могло бы, если нужно, служить доказательствомъ, что достоинство Поэта нашего не ограничивается однимъ искуствомъ и умомъ живымъ, но всегда холоднымъ, когда душа не участвуетъ въ его твореніяхъ! Вольтера также упрекали въ недостаткѣ чувствительности, но его стансы *Къ Сидевилю,* которые если не съ искуствомъ, то по крайней мѣрѣ съ чувствомъ переведены Херасковымъ, краснорѣчиво опровергаютъ такое нареканіе. Обвинителямъ нашего Поэта назову стихи *Къ Друзьямъ*, и если они сами не носятъ въ себѣ души черствой, то должны признаться, что и сквозь наружность часто холодную, отражается въ его дарованіи душа теплая и внимательная къ сладостнымъ вдохновеніямъ унынія.

Но въ родѣ легкихъ стихотвореній, о коихъ съ такимъ неумѣстнымъ презрѣніемъ говоритъ и спесивое педантство, оцѣняющее произведенія искуства на вѣсъ, и тупое невѣжество, которое нескоро разглядываетъ и тускло видитъ, — Поэтъ нашъ сколько написалъ прекраснаго? Многіе, придерживаясь буквальнаго значенія такъ называемыхъ легкихъ стихотвореній, полагаютъ, что они такъ называются потому, что всякому ихъ писать легко, забывая или вовсе не зная, что самая легкость наружная есть часто вывѣска побѣжденной трудности. Искуство нравиться есть тайна, которая, даруемая ли природою, или похищаемая упорнымъ усиліемъ, въ обоихъ случаяхъ достойна уваженія и зависти; впрочемъ, въ послѣдней дани ей не многіе и отказываютъ.

Какое искуство въ языкѣ, мастерство въ стихосложеніи блеститъ въ стихахъ *Къ Дельфирѣ*, *Къ Ней же* и въ другихъ, надписанныхъ къ женщинамъ! Прекрасный полъ можетъ, посредствомъ ихъ, примириться съ Русскими стихами и по нихъ учиться красотамъ языка, который ожидаетъ, чтобы умныя женщины присвоили его себѣ и ввели въ употребленіе для разговора. Какая свѣжесть и прелесть въ стансахъ къ Карамзину, въ стансахъ: *Я счастливъ былъ*! Сколько игривости и любезной небрежности въ стихахъ: *Отъѣздъ къ Машѣ*! Въ сихъ игрушкахъ ума не замѣтенъ трудъ авторскій: кажется, что стихи написаны не перомъ рачительнымъ, а набросаны рукою легкою и своевольною. Въ Надписяхъ, Эпиграммахъ и другихъ мѣлкихъ стихотвореніяхъ, Поэтъ нашъ открылъ дорогу своимъ преемникамъ. До него не умѣли ни хвалить тонко, ни насмѣхаться остроумно. Мадригали и Эпиграммы нашихъ старыхъ умниковъ давно поблекли или притупились, и пробуждаютъ развѣ одну закоре-

нѣлую улыбку привычки, на устахъ ихъ суевѣрныхъ поклонниковъ. Мѣлочи нашего Поэта у всѣхъ въ памяти и присвоены общимъ употребленіемъ. Кто, видя безобразную живопись, не вспоминаетъ объ Ефремѣ? Кто, встрѣчая супруга, какихъ много, не готовъ напомнить ему *Супружнюю молитву*, или встрѣчая инаго вельможу, не готовъ воскликнуть: *И это человѣкъ!* Кому не приходило въ голову или, лучше сказать, въ сердце — сказать съ Поэтомъ у ногъ милой женщины:

Тыбъ лучше быть могла, но лучше такъ какъ есть!

Кто изъ родителей, имѣвшихъ несчастіе оплакивать смерть дѣтей, не признаетъ истины и силы стиха, какъ бы вырвавшагося изъ родительской души, пораженной утратою:

О небо! и дѣтей ужасно намъ желать!

Въ другихъ родахъ стихотворства, Поэтъ оставилъ намъ, какъ мы видѣли, образцы своего дарованія, образцы изящные, и мы сожалѣемъ, что оставилъ ихъ не болѣе. Въ Басняхъ завѣщаетъ онъ намъ славу полную. Число Басень, имъ написанныхъ, доказываетъ, что онъ занимался ими охотнѣе, нежели инымъ родомъ Поэзіи; но изъ того не слѣдуетъ, что сей родъ свойственнѣе другихъ его дарованію. По слогу и стихосложенію Хемницера видимъ, что ему можно было писать только однѣ Басни; но Басни И. И. Дмитріева, еслибъ и не оставилъ онъ другихъ памятниковъ поэтическихъ, служили бы доказательствомъ, что его гибкое дарованіе способно къ разнообразнымъ измѣненіямъ. Кажется неоспоримо, что онъ первый началъ у насъ писать Басни съ правильностію, красивостію и поэзіею въ слогѣ. Говорить не въ шутку о каррикатурныхъ Притчахъ Сумарокова, смѣшно и безразсудно: обыкновенно простота его есть плоскость, игри-

вость — шутовство, свободность — пустословіе; живопись, мѣстами яркое, но по большой части грубое малярство. О Хемницерѣ мы уже осмѣлились сказать свое мнѣніе: Басни его наги, какъ истина, пренебрегшая хитрости искуства, коего союзъ ей нуженъ, когда она не столько поражать, сколько увлекать хочетъ, не столько покарять, сколько вкрадываться въ сердца людей, пугающихся наготы и скоро скучающихъ тѣмъ, что ихъ непостоянно забавляетъ. Согласимся, что если нравственная цѣль Басни и постигнута имъ, то не прокладывалъ онъ къ ней слѣдовъ піитическихъ, и въ оправданіе приговора нашего, если покажется онъ излишне строгимъ, замѣтимъ, что мы здѣсь судимъ болѣе о литературномъ, чѣмъ о нравственномъ достоинствѣ Басни. Барковъ, болѣе извѣстный по рукописнымъ твореніямъ, нежели по печатнымъ переводамъ классическихъ Поэтовъ древности, переложилъ въ шестистопные стихи всѣ Басни Федра. Въ переводѣ своемъ старался онъ придерживаться краткости и точности подлинника, и за изключеніемъ выраженій обветшалыхъ, черствыхъ и какой-то тупости въ стихосложеніи, пороковъ, кои должно приписывать болѣе времени, нежели Поэту, — Басни его и теперь еще можно читать съ пріятностію, хотя онѣ и преданы забвенію несправедливому. Херасковъ оставилъ намъ полную книжку Басень, подпавшихъ жребію его Трагедій и Комедій; бóльшая часть изъ нихъ отличается скудостію мыслей и слабостію изобрѣтенія, но притомъ и легкостію въ стихосложеніи и свободою въ разсказѣ. Майковъ, творецъ нѣсколькихъ Поэмъ комическихъ, въ коихъ главный недостатокъ есть отсутствіе комической веселости, то есть, души подобныхъ твореній, написалъ также довольное число Басень *нравственныхъ* — но вы-

раженію издателей, но не піитическихъ, по приговору критики. Вѣроятно, что въ нихъ достойнѣйшими примѣчанія стихами могутъ быть слѣдующіе. *Лягушки, просящія о Царѣ,* описывая Юпитеру картину безпорядковъ отъ безначальства своего, говорятъ, что у нихъ сильные притѣсняютъ слабыхъ:

И кто кого смога,
Такъ тотъ того въ рога.

Сіи лягушечьи рога могутъ итти въ собраніе рѣдкостей естественныхъ, или, лучше сказать, сверхъ-естественныхъ, коими своенравная природа угощаетъ на-заказъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ Баснописцевъ. Лучшее доказательство первенства нашего Автора въ числѣ Русскихъ Баснописцевъ есть то, что не примѣръ Сумарокова и Хемницера, о другихъ и говорить не кстати, но его примѣръ возбудилъ многихъ подражателей и обогатилъ Поэзію нашу Баснями, не въ соразмѣрности по числу хорошихъ съ другими отраслями Поэзіи. Напрасно заключаютъ многіе изъ богатства нашего, что Басни легче другаго пишутся. Одъ, буде называть Одами все то, что выпущено у насъ въ свѣтъ подъ симъ общимъ названіемъ, не менѣе, если не болѣе Басень; причина тому, что никто изъ Поэтовъ не дѣйствовалъ на общій вкусъ сильнѣе Ломоносова, Державина и Дмитріева. Вотъ главнѣйшая причина, а другая та, что Басня если не легче, то скорѣе пишется, чѣмъ Посланіе, или иное твореніе, принадлежащее къ роду легкой Поэзіи, и обыкновенно требующее большаго числа стиховъ; прибавимъ еще, что Басня, имѣя всегда общенародную занимательность, естественнѣе влечетъ къ подражанію, нежели другое произведеніе, котораго достоинство зависитъ иногда отъ условій личныхъ и мѣстныхъ. Здѣсь, вѣроятно, источникъ изобилія нашего

въ семъ родѣ Литературы. Оставляя догадки, болѣе или менѣе замысловатыя, на коихъ основываютъ происхожденіе Басни, постараемся пріискать особенно намъ сродную и нравственную причину укорененія Баснотворства у насъ. Яркая черта ума Русскаго есть насмѣшливость лукавая; но наша острота, не заключающаяся, какъ острота Французская, въ игрѣ словъ, или тонкомъ выраженіи мысли, есть болѣе живописная. Французскія шутки бѣглы и, такъ сказать, не осязательны, какъ двусмысленное значеніе или переливающіяся оттѣнки словъ, изъ коихъ онѣ составлены; наши обыкновенно въ лицахъ, и болѣе говорятъ чувству, чѣмъ понятію. Французскій остроумецъ ловко и проворно дѣйствуетъ орудіемъ остроты и колетъ имъ свою жертву; Русскій владѣетъ кистію, коею расписываетъ лица на-смѣхъ. Шутки Французскія вырываются подъ вдохновеніемъ Аполлона и напоминаютъ, что онъ вооруженъ стрѣлами мѣткими и язвительными: наши отзываются добродушіемъ веселаго Мома, который насмѣхается, чтобы смѣшить и смѣяться. Всякая Французская насмѣшка годится на остріе эпиграммы или сатирическаго куплета; лучшія Русскія шутки могутъ служить основою забавныхъ каррикатуръ. Замѣтимъ, что при насмѣшливости ума Русскаго, законы нашего общежитія подкрѣпленные, а можетъ быть и порожденные законами государственными, не позволяя ему преступать тѣсныхъ границъ, назначенныхъ строгимъ уваженіемъ къ личности и ко многимъ освященнымъ условіямъ, обязываютъ его прибѣгать къ уловкамъ лукавства, когда онъ хочетъ предаваться господствующей своей наклонности. И послѣ того легко согласиться можно, что Басни должны были укорениться у насъ и часто утаивать, подъ своимъ покровомъ, обнаженіе

истины или слишкомъ смѣлой, или слишкомъ язвительной. Обращая вниманіе на Русскія пословицы, сей отголосокъ ума народовъ, найдемъ еще новые доводы сродства нашего съ Баснями: сколько изъ нихъ живописныхъ и драматическихъ, въ коихъ герои Езопа играютъ важныя роли, и сколько изъ нихъ могутъ служить основою Басень.

„Говорятъ, что Лафонтенъ ничего не изобрѣлъ: онъ „изобрѣлъ свое искуство писать, и его изобрѣтеніе „не сдѣлалось общимъ." Такъ судилъ Лагарпъ во Франціи, и такъ безъ сомнѣнія судилъ бы онъ у насъ о нашемъ Лафонтенѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Поэтъ нашъ болѣе всѣхъ породнился съ своими подлинниками; но достоинство его заключается не въ томъ, что онъ не отступаетъ отъ Лафонтена и Флоріана, и удачно подражаетъ ихъ красотамъ, а въ томъ, что онъ у насъ превосходенъ, и что красоты стиховъ его правильныхъ, изящныхъ и живыхъ, суть красоты на языкѣ нашемъ образцовыя. Шанфоръ говоритъ о Лафонтенѣ: „Ему одному предоставлено „было сочетать въ краткости аполога, оттѣнки рѣзкія „и краски противоположныя. Часто одна Басня соеди-„няетъ въ себѣ простоту Марота, игривость и замы-„словатость Воатюра, черты поэзіи возвышенной и „нѣсколько такихъ стиховъ, кои силою смысла навсе-„гда врѣзываются въ памяти." Естественное примѣненіе сего сужденія къ Автору, о коемъ пишемъ, само собою представится уму читателей, вникнувшихъ въ его искуство. Какое постоянное разнообразіе въ слогѣ, пріемахъ и украшеніяхъ, и какая вездѣ вѣрность въ порядкѣ выраженій, картинъ и принадлежностей!

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры.

Какое мастерское изложеніе! Будь разговоръ начатъ Тростію, а не Дубомъ, и этотъ стихъ неумѣстною важностію

погрѣшилъ бы противъ вѣрности: здѣсь онъ отвѣчаетъ и лицу, выглядывающему изъ-за дуба и самому преимуществу, данному природою гордому временщику лѣсовъ надъ слабою и смиренною тростію. Мы остановились на первомъ примѣрѣ, который намъ встрѣтился, но подобныхъ примѣровъ найдется тысяча, еще разительнѣйшихъ. Г. Измайловъ (А. Е.), критикуя въ хорошемъ сочиненіи своемъ, *О разсказѣ Басни*, слѣдующій стихъ за приведеннымъ выше:

Жалѣю, дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры;

говоритъ: „Дубъ не имѣетъ глазъ, слѣдовательно не можетъ склонять взоровъ. Деревьямъ и растѣніямъ позволяется въ Баснѣ только говорить, а не дѣйствовать, „подобно животнымъ." Кажется, что сіе замѣчаніе болѣе изыскано и строго, чѣмъ справедливо. Если въ Баснѣ вся природа, одушевленная и вещественная, пользуется преимуществомъ словесныхъ тварей и даромъ размышленія; то можно, кажется, ей безъ исключенія дозволить и видѣть и слышать наравнѣ съ другими животными. — Здѣсь приходитъ на умъ вопросъ естественный: — если отказать Дубу въ глазахъ, то какъ же увидитъ онъ Трость и разсмотритъ, что она растетъ

На топкихъ берегахъ владычества Эола?

Приписывать дубу *зрѣніе* внутреннее, которое не всѣми признается и въ людяхъ, подверженныхъ дѣйствію магнетизма животнаго, еще гораздо сверхъестественнѣе и произвольнѣе. Баснь *Дубъ и Трость* была любимѣйшею Баснею Лафонтена; не соглашаясь съ нимъ, не отдадимъ исключительнаго преимущества надъ другими и переводу, хотя по слогу стоитъ онъ въ числѣ лучшихъ произведеній нашего Поэта. За исключеніемъ двухъ словъ, неправильно употребленныхъ (*злачна*, вмѣсто *злачнаго*; *вору-*

жась вмѣсто *вооружась*,) вообще всѣ стихи совершенны, а иные отдѣляются еще и отъ общаго совершенства блескомъ преимущественнымъ и красотою отличною.

Лучшія Басни его, по нашему мнѣнію, слѣдующія: *Дубъ и Трость*; *Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ*; *Мышь, удалившаяся отъ свѣта*; *Чижикъ и Зяблица*; *Лиса проповѣдница*; *Два голубя*; *Человѣкъ и Конь*; *Исторія*; *Прохожій*; *Два друга*; *Котъ, Ласточка и Кроликъ*; *Воспитаніе Льва*; *Три Льва*; *Смерть и Умирающій*; *Жаворонокъ съ дѣтьми и земледѣлецъ*; *Старикъ и трое молодыхъ*; *Искатели фортуны*; *Царь и два Пастуха*. О нихъ почти тоже можно сказать, что сказано передъ тѣмъ о нѣкоторыхъ стихахъ изъ Дуба и Трости: онѣ лучшія не потому, чтобы остальныя были посредственны, но лучшія изъ Басень нашего Поэта, которыя суть лучшія на языкѣ нашемъ. Прилагательное: лучшее, имѣетъ смыслъ относительный и личный: посредственное въ Херасковѣ было бы лучшимъ въ Николевѣ, а лучшее Хераскова обыкновеннымъ въ Державинѣ. По красивости въ слогѣ и живости въ поэзіи, назвали бы совершеннѣйшею Басню: *Чижикъ и Зяблица*, если бы нравственное ея содержаніе было занимательнѣе, а предметъ глубокомысленнѣе или замысловатѣе. Какая утренняя свѣжесть въ начальныхъ чертахъ! сколько чувства и простоты въ стихахъ:

> Но безъ товарища и радость намъ не въ радость,
> Желаемъ для себя, а ищемъ раздѣлить.

Смотрите далѣе, какъ темнѣетъ свѣтлая и веселая картина, по мѣрѣ приближающейся грозы: передъ вами оживляется сельское явленіе, не уступающее въ живости и разнообразіи ни кисти художника, ни творенію самой природы. Томсонъ и Делиль не лучшими стихами живописали природу, и предали свои поэмы безсмертію. Но

почти жалѣть должно о роскошествѣ Поэта, истощившаго все богатство поэзіи для выраженія истины обыкновенной, хотя и облеченной въ хорошіе стихи:

Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ,
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ.

Конечно можно выисканными примѣненіями вывести изъ нравоученія сей Басни послѣдствіе обширнѣйшее; но подробности Поэзіи, столь увлекательной, не дозволяютъ вниманію оставить ихъ для исканія истины удаленной, и между тѣмъ, какъ услаждаютъ онѣ воображеніе, не удовлетворяютъ достаточно потребностямъ ума, который ищетъ пищи существенной и подъ цвѣтами удовольствія. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, съ какимъ искусствомъ разнообразитъ нашъ Поэтъ описаніе грозы, которое встрѣчается у него въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. *Въ Мыши, удалившейся отъ свѣта* — разсказъ мастерской: какъ шутки повѣствователя важны, и какъ забавна его важность! Не наблюдайте искуснаго равновѣсія, и тотчасъ забавность сбивается на шутовство, а важность переходитъ въ принужденность и безобразное напряженіе. Какая историческая точность и ясность въ отправленіи посольства, въ рѣчи произнесенной имъ передъ *затворницею!* — Лафонтена сравнивали съ Мольеромъ, но не по Комедіямъ, а по Баснямъ. Въ нашемъ Поэтѣ проскакиваютъ несомнительные признаки комическаго дарованія. Соглашаясь съ Шанфоромъ, который говоритъ, что Баснописецъ, перенося въ свои Басни изображеніе нравовъ, присвоиваетъ Апологу одну изъ прекраснѣйшихъ принадлежностей Комедіи: характеры; прибавимъ, что разговорный языкъ Поэта нашего, встрѣчающійся въ Басняхъ и Сказкахъ его, удостовѣряетъ насъ, что онъ, вѣрный въ изображеніи лицъ, умѣлъ бы сохранить ту вѣрность и

въ языкѣ, коимъ онъ заставилъ бы говорить ихъ на сценѣ. Стихотворный комическій языкъ у насъ еще не существуетъ, не смотря на нѣкоторые опыты, довольно удачные; женщинъ заставляютъ говорить на сценѣ книжнымъ языкомъ, — но свѣтскія женщины не хотятъ учиться языку, покоренному правиламъ: вездѣ своенравныя, онѣ сами творятъ свои правила, и самихъ законодателей языка научаютъ имъ повиноваться. Какъ намъ позволительно жаловаться на иныхъ, что они завладѣли комическою сценою, такъ нашему Поэту можемъ пенять, что уполномоченный комическою Музою, не хотѣлъ онъ огласить своихъ законныхъ правъ на сцену, хотя однимъ опытомъ, хотя для того, чтобы вывести на нее *Трисотина* и *Вадіуса*, которыхъ такъ забавно заставляетъ онъ говорить по Русски.

Въ Баснѣ: *Два голубя*, онъ даетъ намъ лучшіе образцы стиховъ Элегіи, а въ *Донъ-Кишотѣ* лучшій образецъ стиховъ пастушескихъ. *Человѣкъ и Конь* не изобилуетъ, какъ другія Басни роскошью поэтическою, но стихами полными, живыми и нравоученіемъ глубокомысленнымъ входитъ въ число лучшихъ философическихъ Басень, то есть, въ лучшее отдѣленіе Басень. Въ *Воспитаніи Льва*, едва ли не превосходнѣйшей Баснѣ разсудительнаго Флоріана, Переводчикъ достигнулъ совершенства повѣствованія строгаго, отвѣчающаго важной нравственности содержанія. Какъ забавно мимоходомъ придаетъ онъ торжественнымъ одамъ *мохнатыхъ пѣвцовъ* казенныя выраженія Лириковъ, осмѣянныхъ въ *Чужомъ толкѣ!* Какая вѣрность въ языкѣ звѣрей, призванныхъ Львомъ на совѣтъ, изъ коихъ каждый намѣками выдаетъ прямо себя за лучшаго наставника новорожденному львенку!

Совѣты и вездѣ почти на эту стать,

прибавляетъ опытный наблюдатель, съ простосердечнымъ

лукавствомъ. Сначала до конца слогъ въ сей Баснѣ твердъ, исправенъ; стихи всѣ до одного *выбиты* мастерски. Въ нынѣшнемъ изданіи Поэтъ присоединилъ ее къ Сказкамъ, но мы сомнѣваемся въ справедливости такого раздѣленія. Всякое повѣствованіе, въ коемъ дѣйствуютъ животныя или предметы вещественные, свойственнѣе причислить къ Баснямъ, не смотря на слогъ и драматическій ходъ повѣствованія; краткое повѣствованіе, въ коемъ дѣйствуютъ одни люди или существа возвышеннѣйшія, принадлежитъ къ Сказкамъ.

Котъ, Ласточка и Кроликъ, почитается одною изъ лучшихъ Басень Лафонтена. Прочтите Басню въ переводѣ, и подивитесь творческому искуству Переводчика; говоримъ: *творческому*, ибо достоинство изобрѣтенія состоитъ здѣсь не въ вымыслѣ содержанія, но въ употребленіи языка и красокъ, кажется несовмѣстныхъ съ Поэзіею. Какъ естественъ *Крысодавъ*, какъ хорошъ этотъ постный, по между тѣмъ *жирный котъ*, или вѣроятно отъ того и жирный, что онъ постный: *мужъ святъ изъ всѣхъ котовъ*! — Въ Басняхъ любятъ иногда присвоивать собственныя имена людей звѣрямъ, выводимымъ на сцену; это гораздо легче, нежели присвоивать имъ кстати страсти и слабости людскія. Нашъ Баснописецъ только здѣсь слѣдовалъ сему обыкновенію, и единственно для того, что Кролику нужно было на доводахъ родословія утвердить право собственности.

Басни: *Орелъ и Каплунъ*, и *Магнитъ и Желѣзо* суть счастливыя подражанія Баснямъ *Арно*, одного изъ лучшихъ современныхъ намъ Поэтовъ Французскихъ. Въ пятомъ изданіи своихъ Стихотвореній нашъ Поэтъ воспользовался примѣчаніемъ Г. Измайлова (А. Е.) на окончательные стихи первой изъ помянутыхъ Басенъ. Такъ истинное дарованіе сознается въ своихъ ошибкахъ и дорожитъ со-

вѣтами добросовѣстной и благоразумной критики; но съ другой стороны презираетъ прицѣпки вздорливаго недоброжелательства и приговоры взыскательнаго невѣжества.

Если достоинство стиховъ приноситъ честь искуству Поэта, то выборъ содержанія Басень не менѣе приноситъ чести образу его мыслей и чувствованій. Всѣ Басни нашего Переводчика имѣютъ цѣль болѣе или менѣе философическую; и Басня, которая должна быть прозрачнымъ покровомъ истины, никогда не служитъ у него нарядомъ лести, или прикрасою какого-нибудь мнѣнія въ честий. Къ сожалѣнію признаться должно, что у Лафонтена цвѣты прекраснѣйшей поэзіи темнѣли иногда отъ куреній лести; но онъ остался другомъ гонимаго Фуке, ходатайствомъ за него въ стихахъ прекрасныхъ предъ трономъ, и Поэты не краснѣютъ за собрата, обольщеннаго приманками власти, но неразвращеннаго ими. Должно при семъ вспомнить, что Лафонтенъ жилъ въ такое время, когда обычаемъ, освященнымъ давностію, Писатель не могъ обойтись безъ покровителя, а покровитель безъ раболѣпной приверженности, въ царствованіе счастливаго властителя, который приковалъ къ колесницѣ своей дарованія и славу великихъ мужей вѣка, пріявшаго отъ него свое имя, но отъ нихъ свой лучшій блескъ и прочнѣйшую славу. Лудовикъ XIV обольщалъ и унижалъ Писателей, осаждавшихъ его Дворъ. И какъ дорого платили они за почести, которыя могутъ возвысить людей ничтожныхъ, но ничтожны для людей возвышенныхъ незаемнымъ достоинствомъ. Великій Расинъ, коего геній обширный умѣлъ возноситься до великихъ событій Исторіи, но душа слабая не умѣла быть выше дневныхъ обстоятельствъ и мѣлкихъ неудачъ, умеръ жертвою царской немилости. Лафонтенъ, долго по недоброжелатель-

ству вельможъ, не былъ допускаемъ до почести академической, которая во дни *золотаго вѣка* была послѣднею мѣтою невиннаго честолюбія величайшихъ умовъ. По смерти пріятельницы своей, едва не отплылъ онъ въ Англію — искать себѣ пристанища и покровителей. Пусть такіе разительные примѣры и многіе другіе, если голосъ внутренняго убѣжденія недостаточенъ, научаютъ Писателей дорожить независимостію и служить одной истинѣ, а не лицамъ, какъ они ни щедры на обольщенія, и какъ она ни скупа и ни медлѣнна въ наградахъ.

Изданіе Басень Поэта нашего, сличеннаго съ Русскими его предмѣстниками и послѣдователями, обогатило бы Словесность нашу книгою, которой ей недостаетъ: впрочемъ мы богаты недостатками. Но хорошихъ Басень у насъ довольно для того, чтобы родить желаніе любоваться своими богатствами и съ разборчивостію заняться ихъ оцѣнкою. — По счастію, совершенство нашего Баснописца не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ, истинныхъ Поэтовъ; прибавимъ: къ сожалѣнію — многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ дарованіемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовать; но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ Поэтомъ, перерабатывая Басни, уже имъ переведенныя, и Басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость. Привлекая насъ къ себѣ, онъ не отучаетъ отъ своего предшественника; и мы видимъ, что къ общей выгодѣ дорога успѣховъ, открытая дарованію, не такъ тѣсна, какъ та дорога, на коей, по замѣчанію остроумнаго Фонъ-Визина, „двое встрѣтясь, разойтись не могутъ, и одинъ другаго сваливаетъ.“ Но Г. Крыловъ, съ искренностію и праводушіемъ возвышеннаго да-

рованія, безъ сомнѣнія сознается, что если не взялъ онъ предмѣстника за образецъ себѣ, то по крайней мѣрѣ имѣлъ въ немъ примѣръ поучительный и путеводителя, угладившаго ему стезю къ успѣхамъ. Если и не ступать по слѣдамъ пробитымъ, то все легче итти по дорогѣ, на коей уже значатся слѣды. Г. Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовыя, стихосложеніе — хотя и нынѣ у насъ еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства. Между тѣмъ забывать не должно, что онъ часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ Басень; и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, то оно велико въ сравненіи съ тѣми, которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ Басень, какъ говоритъ *Арно*, сравнивая съ Лафонтеномъ себя и другихъ Французскихъ Баснописцевъ въ предисловіи къ своимъ замысловатымъ и эпиграмматическимъ Баснямъ.

Здѣсь видѣли мы Поэта счастливымъ побѣдителемъ предшественниковъ, и образцемъ открывшимъ дорогу последователямъ и соперникамъ. Въ Сказкахъ найдемъ его одного: ни за нимъ, ни до него, никто у насъ не являлся на этой дорогѣ, проложенной новѣйшими Писателями; они одни могутъ въ обществѣ, устроенномъ по новымъ условіямъ образованности, ловить черты и краски дѣйствія ограниченнаго, но богатаго оттѣнками, которое обыкновенно служитъ основой Сказки. Нашъ отличный Сказочникъ соединяетъ въ себѣ все, что составляетъ и существенное достоинство и роскошество таланта въ Сказочникахъ, которые и у всѣхъ народовъ на-счету. Нигдѣ не оказалъ онъ болѣе ума, замысловатости, вкуса, остроумія, болѣе стихотворческаго искуства, какъ

въ своихъ Сказкахъ; оставь онъ намъ только ихъ, и тогда занялъ бы почетное мѣсто въ числѣ избранныхъ нашихъ Поэтовъ, и тогда могли бы мы передъ иностранцами похвалиться быстрыми успѣхами въ Поэзіи ума и Философіи, которая всегда является долго послѣ Поэзіи природной, живописной и чувственной, царствующей иногда съ блескомъ и у народовъ дикихъ. Мы сказали, что Поэтъ не имѣетъ въ этомъ родѣ предшественниковъ; ибо некстати говорить здѣсь о Сказкахъ, которыя читаются, хотя и не печатаются, а еще менѣе о тѣхъ, которыя хотя и напечатаны, но не читаются. У него почти совсѣмъ нѣтъ и послѣдователей, и рѣшительно ни одного соперника. Сумароковъ (Панкратій) писалъ Сказки; но онѣ, въ сравненіи съ Сказками нашего Поэта, то, что святошныя игрища въ сравненіи съ истинною Комедіею. Въ его Сказкахъ встрѣчаются забавныя положенія, стихи удачные и смѣшные; но при самомъ смѣхѣ грустно смотрѣть на дарованіе, которое, не довольствуясь улыбкою зрителей образованныхъ, дурачится и ломается, чтобы возбудить громкій хохотъ райка. Райкомъ не должно пренебрегать ни въ какомъ отношеніи; но не его вкусу потребно угождать въ твореніяхъ искуства, и лучше стараться его образовать подъ ладъ изящнаго просвѣщенія, чѣмъ развращать вкусъ образованный — потворствомъ и угожденіями невѣжеству. Карамзинъ выдалъ начало прекрасной богатырской Сказки, которая болѣе принадлежитъ къ числу народныхъ Поэмъ и совершенно отдѣляется отъ рода Сказокъ философическихъ и нравственныхъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь. Батюшковъ написалъ Сказку, отличающуюся поэтическими подробностями. Въ Сказкѣ: *Оселъ Кабудъ*, усѣянной забавными чертами, Пушкинъ (В. Л.) оказалъ много искуства

въ повѣствованіи; но онѣ обѣ перенесены на сцену намъ чуждую, гдѣ предстояло дарованію болѣе свободы въ дѣйствіи, и слѣдовательно менѣе славы въ успѣхѣ. Нашъ Сказочникъ не оставляетъ насъ: онъ замѣчаетъ то, что каждый изъ насъ могъ замѣтить; умѣя наблюдать, разсказываетъ то, что всякій могъ разсказать, имѣя даръ повѣствованія. *Модная жена* — намъ коротко знакомая, добрый супругъ ея *Пролазъ*, который *невиннымъ ремесломъ доползъ до права ѣздить шестеркою въ каретѣ*, человѣкъ, съ коимъ встрѣчаемся на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ обѣдахъ имянинныхъ и карточныхъ вечеринкахъ. *Миловзоръ* — образецъ всѣхъ *угодниковъ дамскихъ*, только съ тою разницею, что они не переняли у него искуства изъясняться правильно и красиво на языкѣ отечественномъ. Припадокъ чего-то такого, котораго и Поэтъ не умѣлъ назвать, и нѣжныя ласки *Модной жены*, мѣсто дѣйствія, принадлежности и приборы, спасительная догадливость добрыхъ Пенатовъ, *фидельки* и *попугая*, все это блеститъ историческою вѣрностію, въ коей убѣждаемся не довѣренностію къ повѣствователю, а особенными опытами и чувствованіями. — Картина *Князя Вѣтрова* изъясняетъ намъ, что́ есть женихъ, и что́ есть мужъ. — Въ обломкахъ посуды бѣднаго *Альнаскара* многіе воздушные строители видятъ развалины своихъ недостроенныхъ зданій; но многіе ли его примѣромъ отучатся строить на воздухѣ? Едва ли? и полно жалѣть ли о томъ? Удивительный Вольтеръ, плѣнительный въ Сказкахъ, какъ и вездѣ, говоритъ въ своей *Причудницѣ*:

Ah! croyez moi, l'erreur a son mérite!

Несчастный смертный, коему судьба отказываетъ часто въ уголкѣ земли, на коемъ могъ бы онъ утвердить хотя одну надежду, долженъ по крайней мѣрѣ имѣть

свободный входъ въ область мечтательную, гдѣ, будучи хозяиномъ наравнѣ со всѣми, можетъ онъ выгрузить избытокъ своихъ ожиданій и уходить безпокойную дѣятельность упованій, часто обманутыхъ, но никогда неразувѣренныхъ.— *Причудница* нашего Стихотворца едва ли не драгоцѣннѣйшій жемчугъ его поэтическаго вѣнца; Вѣтрана хотя и перенесена въ годы, современные старой Руси; но, по нраву своему, пресыщенію и скукѣ отъ счастія (которую излѣчить труднѣе, нежели скуку отъ несчастія, тому, у кого нѣтъ, какъ у *Вѣтраны*, доброй *Всевѣды*, бабушки, умѣющей ворожить), принадлежитъ также и нашему вѣку и всѣмъ вѣкамъ, въ коихъ люди будутъ неблагоразумны въ своихъ желаніяхъ и вѣтрены и непризнательны къ Провидѣнію. — Разбирать ли поэтическія красоты, черты веселости, остроумія, тонкой насмѣшки, плѣнительной замысловатости, коими изобилуютъ сіи Сказки? Должно будетъ повторить въ длинныхъ выпискахъ стихи, читанные, перечитанные и уважаемые свѣдущими любителями Русской Поэзіи; но если найдутся въ Россіи изъ образованныхъ читателей такіе, которые еще не успѣли узнать ихъ за недосугомъ, то чѣмъ же лучше услужить имъ, какъ совѣтомъ прочесть ихъ въ первый часъ свободный?

Имѣлъ ли нашъ Поэтъ, на поприщѣ своихъ литературныхъ успѣховъ, недоброжелателей и завистниковъ? Въ древнемъ Римѣ торжественная колесница побѣдителя въѣзжала въ городъ, окруженная и народомъ благодарнымъ и толпою невольниковъ, которые, вѣроятно, не раздѣляли общей радости, и про себя сопровождали клики восторга ругательствами ненависти и досады. Торжество Писателя также ведетъ за собою толпу враждующихъ невольниковъ; но разница въ томъ, что они громкими по-

ношеніями своими прерываютъ отголоски раздающихся похвалъ, и что народъ въ наши дни, жадный любитель всякихъ зрѣлищъ, не налагаетъ молчанія на дерзкія уста ненавистниковъ дарованія. Презирая ихъ ремесло, онъ какъ будто радуется оскорбленіямъ, которыя наносятъ они славѣ возвышенной; можно подумать, что такія оскорбленія облегчаютъ для него бремя уваженія, которое всегда подъ конецъ становится ему тяжкимъ. Толпа любитъ возносить угодниковъ времянной своей горячности; но обыкновенно сердится на тѣхъ, которые держатся на высотѣ собственными силами: въ первомъ случаѣ ей весело и лестно быть покровительницею; въ другомъ оскорбительно быть постоянною данницею невольнаго почтенія. Впрочемъ нашъ Поэтъ, наравнѣ со всѣми другими Писателями Русскими, за исключеніемъ Богдановича, имѣвшаго въ Карамзинѣ Критика просвѣщеннаго, не былъ еще разбираемъ ученымъ и поэтическимъ образомъ. Нельзя назвать критикою статьи журнальныя, писанныя бѣгло и поверхностно о книгахъ, вновь выходящихъ. Въ иныхъ, а преимущественно въ статьяхъ, напечатанныхъ въ Московскомъ Меркуріи и Цвѣтникѣ, оцѣнены со вкусомъ нѣкоторыя изъ достоинствъ Поэта. Въ другихъ, писанныхъ подъ вдохновеніемъ недоброжелательства и криводушія, встрѣчаются однѣ придирки, частію основательныя, но болѣе произвольныя, которыя доказываютъ единственно, что Критики хотѣли найти много погрѣшностей въ стихотвореніяхъ Поэта, и въ самомъ дѣлѣ успѣли выискать ихъ нѣсколько. Одинъ изъ такихъ Критиковъ сказалъ, напримѣръ, что стихотвореніе: *Каррикатура* — не что иное, какъ риѳменная проза; но на бѣду свою не догадался, что оно писано бѣлыми стихами; другой, не менѣе его догадливый, обвиняетъ Поэ-

та, что онъ пишетъ *состарѣлся*, а не *состарѣлся*, когда вся Русская Россія говоритъ и пишетъ одинаково съ Авторомъ, и нѣсколько страницъ унизалъ замѣчаніями неуступающими этому въ справедливости и замысловатости. Достойно сожалѣнія, что возраженіе на такую Критику, писанное Д. Н. Блудовымъ, и могущее служить образцемъ остроумія и искуства отражать нападенія несправедливыя, не имѣло доступа къ современнымъ Журналамъ. Нельзя довольно надивиться, что у насъ, когда ничтожнѣйшее замѣчаніе на игру актера, или малѣйшее оскорбленіе, нанесенное неприкосновенному величеству Писателя посредственнаго, зажигаетъ войну перьевъ, претворяетъ мирные Журналы въ шумное поле битвы и вызываетъ изъ-подъ земли тысячу воителей, готовыхъ ратовать до истощенія силъ физическихъ, и долго по истощеніи терпѣнія читателей, брань, объявленная первымъ смѣльчакамъ Писателямъ заслуженнымъ, не возбуждаетъ ни въ комъ ратной ревности. Поле битвы безспорное остается во владѣніи перваго наѣздника на его славу, не за тѣмъ, что онъ правъ, но за тѣмъ, что онъ одинъ? „Искони существуетъ, говоритъ Даламбертъ, „заговоръ тайный и общій глупыхъ противъ умныхъ, и „посредственности противъ дарованій превосходныхъ, „отдѣленіе союза тайнаго и обширнѣйшаго бѣдныхъ „противъ богатыхъ, малыхъ противъ большихъ и слугъ „противъ господъ.“ Наблюденіе Французскаго Философа не наведетъ ли и насъ на истинную причину, отъ чего иные изъ нашихъ Писателей должны отвѣчать каждый за себя, а другіе отвѣчаютъ другъ за друга? Но если посредственность внушаетъ своимъ клевретамъ духъ братства и единочувствія, отъ коихъ неудовольствіе одного разливается быстро и пламенно по всѣмъ звень-

ямъ безконечной цѣпи, то дарованіе внушаетъ своимъ избраннымъ расположеніе еще лучшее: духъ равнодушія и презрѣніе къ враждебнымъ усиліямъ невѣжества, подъ какою бы личиною не выказывалось оно, учености школьной, или ложнаго и ѳеодальнаго патріотизма. И нашъ Поэтъ, должно замѣтить къ чести его, хотя способный раздѣлаться и не съ нашими Фреронами, никогда не выходилъ передъ публику на защиту своихъ риѳмъ и уличеніе невѣжества, зная, что рано или поздо справится съ нимъ общественное мнѣніе, сей непогрѣшительный Ареопагъ, который часто, вопреки нижнимъ судамъ, произноситъ рѣшительные и окончательные приговоры.

„Критикъ скупой на время, говоритъ замысловатый „Ривароль, будетъ искать пятенъ въ Расинѣ, а красотъ „въ Кребильонѣ.“ Подобно такому Критику, начнемъ искать погрѣшностей и въ нашемъ Поэтѣ, хотя для того, чтобы потѣшить людей, которые дорожатъ чужою ошибкою, думая — что мгновенное затмѣніе дарованія придаетъ блескъ ихъ постоянной ничтожности. Стараться угождать всѣмъ — есть правило, которое въ нравственномъ послѣдствіи можетъ завести далеко; но зачѣмъ отказывать въ угожденіи невинномъ, когда оно предписывается намъ и общежитіемъ и вѣжливостію? Мы замѣчали, для любителей изящнаго, красоты Поэта и находили въ томъ собственное удовольствіе: подумаемъ и объ удовольствіи ближняго. Но съ чего начать? Какъ ни размышляемъ, какъ ни допрашиваемся безпристрастія; но не находимъ въ Поэтѣ порока кореннаго, отличительнаго и неразлучнаго съ похвальными его свойствами. Сіи послѣднія имѣютъ въ немъ особенный признакъ, неизгладимое клеймо первостепенныхъ и другихъ его произведеній. Вотъ они: правильность языка, крас-

вость слога, свободность стихосложенія, вѣрный вкусъ, умъ острый и замысловатый, воображеніе не стремительное, но живое, насмѣшливость не язвительная, но колкая, совершенство отдѣлки и вообще тотъ глянецъ искуства, который преимущественно замѣтенъ въ твореніяхъ Французовъ, и придаетъ послѣдній блескъ красотѣ, какъ художественная оправа удвоиваетъ достоинство драгоцѣннаго камня. Но гдѣ его сторона слабая, доступная, гдѣ искать *пяты Ахиллеса*, чтобы предать ее, беззащитную, на свободное уязвленіе малодушныхъ и задорныхъ самохваловъ Критики. Повторять ли осужденіе, коему подвергся и Депрео въ глазахъ нѣкоторыхъ Французскихъ Критиковъ, и которое случалось слышать намъ отъ людей, отказывающихъ и Поэту нашему, въ первобытномъ огнѣ творческомъ, въ силѣ производительной? Но на чемъ основывать такое обвиненіе? Развѣ на томъ, чего не довершилъ онъ для бо́льшей славы своей и для бо́льшаго нашего удовольствія; ибо въ томъ, что онъ написалъ, изображается напротивъ мужество жизни, а не хилость безплодія. Одно твореніе, одинъ плодъ, равно какъ и тысяча, свидѣтельствуетъ о творческой способности. Многія творенія доказываютъ дѣятельность дарованія, малочисленныя лѣнь его; но лѣнь можетъ быть порокомъ въ человѣкѣ, а не въ Поэтѣ. Можемъ жалѣть о ней для себя, но не въ правѣ осуждать его. Авторство не есть обязательство передъ публикою, и отъ того, что Писатель нравится, не слѣдуетъ намъ взыскивать, что бы онъ тѣшилъ насъ безъ отдыха. Обстоятельства жизни, склонности посторонныя, занятія государственныя, отвлекаютъ его отъ трудовъ литературныхъ. Если нашъ Поэтъ посвятилъ бы себя одной Словесности, то безъ сомнѣнія имѣли бы мы и болѣе твореній и творенія пространнѣйшія.

И такъ, можемъ единственно поживиться нѣсколькими пятнами, изъ коихъ бо́льшая часть отъ того и кидаются въ глаза, что встрѣчаются въ стихотвореніяхъ нашего Поэта: такъ малѣйшая погрѣшность на зеркалѣ тѣмъ бываетъ значительнѣе, чѣмъ стекло чище и свѣтлѣе. Даже и сіи пятна отзываются болѣе временемъ, въ которое началъ онъ писать, и могутъ быть скорѣе почтены оставшимися привычками малолѣтства, чѣмъ пороками личными. Иногда встрѣчаемъ слова старыя, неумѣстныя въ Поэзіи, къ коей онъ самъ пріучилъ насъ. Въ одномъ мѣстѣ замѣтили мы употребленіе слова въ неприличномъ ему значеніи. Въ стихотвореніи: *Калифъ*, сказано:

Калифъ конечно самовластенъ,
И каждый подданный ему подобострастенъ.

Злоупотребленіе можетъ быть тираномъ черни, но должно быть рабомъ Писателей изящныхъ; оно, смѣшавъ въ одинъ смыслъ слова *страхъ* и *страсть*, исказило и значеніе слова: *подобострастіе*, которое, по составу своему и Словарю Академическому, означаетъ подверженность одинакимъ страстямъ, и могло бы, нѣкоторымъ образомъ, заступить у насъ мѣсто слова: *симпатіи*. Никогда, можетъ быть, злоупотребленіе не играло такъ жестоко смысломъ словъ, какъ въ этомъ случаѣ: слить въ одно значеніе *страсть*, которая воспламеняетъ и укрѣпляетъ душу, и *страхъ*, который ее холодитъ и разслабляетъ; чувство сладостное сердецъ нѣжныхъ, сопряженныхъ таинственною связію равенства, и грустное чувство раболѣпства, которое приковываетъ слабаго къ колесницѣ сильнаго! Иногда въ стихахъ его находимъ излишнія усѣченія словъ, которыя по несчастной длинѣ многихъ изъ нихъ, бываютъ у насъ иногда необходимы,

но вообще безобразятъ стихи и должны быть употребляемы съ большею осторожностію. Отъ хорошаго Поэта требуется, чтобы стихи его могли быть перелагаемы въ прозу, и составлять прозу ясную и правильную, говорятъ тѣ, которые только законодательствуютъ, а творить ничего не умѣютъ; опыта, коего выдержать не въ состояніи ни Депрео, ни Расинъ, ни Вольтеръ, первѣйшіе стихослагатели новѣйшихъ языковъ, не выдержитъ и нашъ Поэтъ. И у него, равно какъ у нихъ, языкъ гнетися иногда подъ цѣпями стопосложенія и ярмомъ риѳмы; но за то, какъ часто, подобно водѣ, угнетаемой и съ живѣйшею силою біющей вверхъ изъ-подъ гнета, языкъ сей пріемлетъ новый блескъ и новую живость отъ принужденія.

И только! скажутъ ненасытные наборщики ошибокъ,

• Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,

уличая насъ въ пристрастіи, и не жалѣя о тупости нашего зрѣнія. Оставляя имъ обширное поле догадокъ, уступаемъ и мѣсто. Книга предъ ними. Уже раздалось въ ихъ странѣ воззваніе:

„Товарищи, къ столу за перья!"

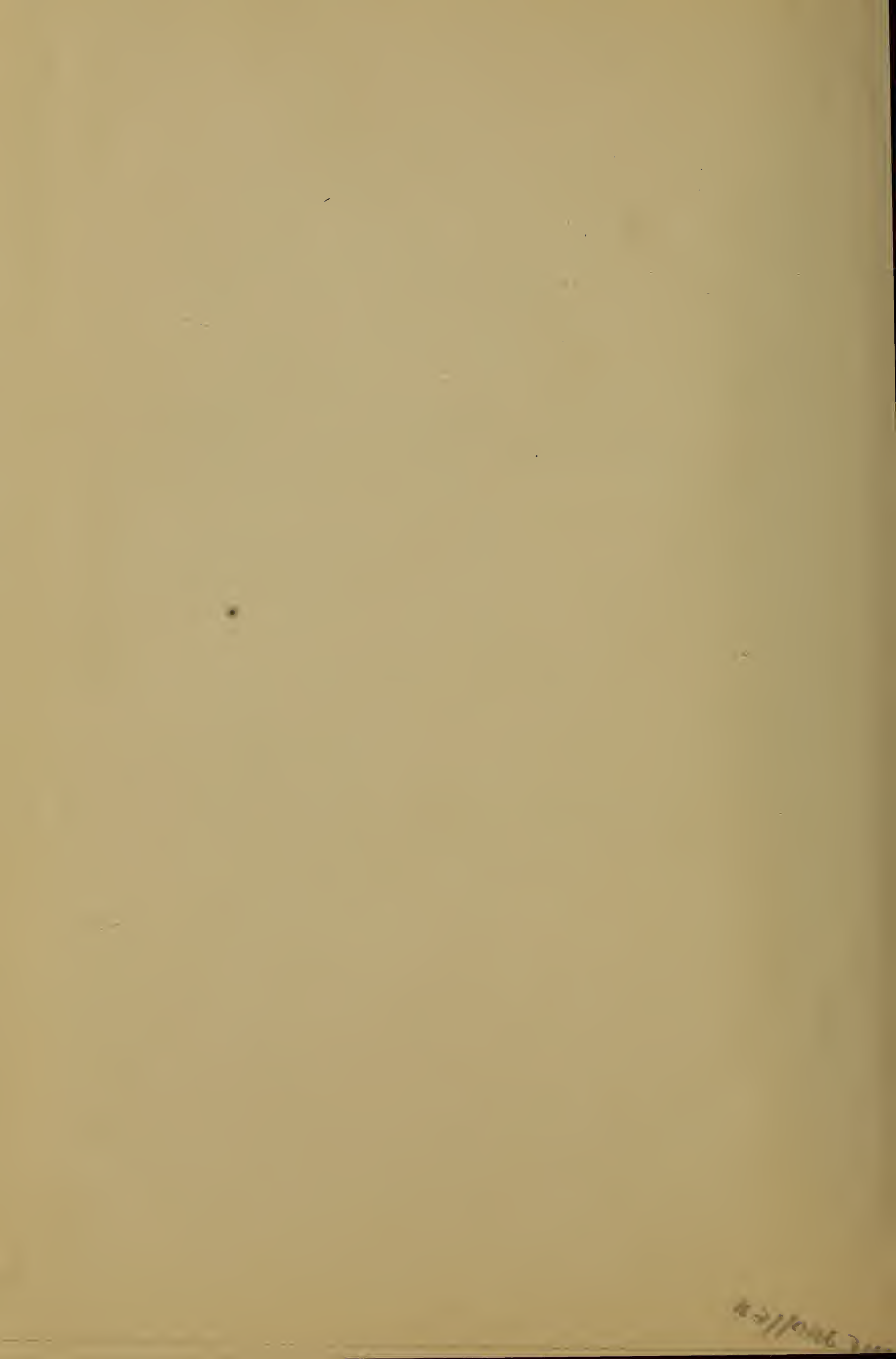
Часто нѣжное чадолюбіе авторовъ, и суевѣрное благоговѣніе къ нимъ ихъ приверженцевъ любовались въ печати изданіями исправленными и умноженными. Но стихотворенія, печатанныя изданіемъ исправленнымъ и уменьшеннымъ — при жизни Автора, и самимъ Авторомъ убавленныя, можно назвать явленіемъ рѣдкимъ въ Литературѣ, и едва ли не первымъ въ своемъ родѣ. Жаль только, что примѣръ данъ Поэтомъ, у коего не было ничего лишняго, и что вѣроятно не будутъ подражать ему тѣ, у коихъ нѣтъ ничего необходимо нужнаго. Впрочемъ есть средство исправить и тотъ и другой недостатокъ.

часто, на зло Поэту нашему, пойдемъ въ прежнихъ изданіяхъ искать изгнанниковъ его строгости, и оставимъ въ покоѣ у другихъ стихотворцевъ печатанные и перепечатанные, но никогда недочитанные, исправленные и вѣчно неисправные плоды ихъ отеческой попечительности. Настоящее изданіе драгоцѣнно, какъ прекрасный признакъ скромности Писателя и строгости его къ себѣ: любопытно и пріятно видѣть, какъ дарованіе судитъ себя, и такъ сказать, начинаетъ быть для самаго себя безпристрастнымъ и хладнокровнымъ потомствомъ. Между тѣмъ приговоры такіе не всегда бываютъ безошибочны. Виргилій присудилъ къ огню Энеиду, какъ твореніе недозрѣлое. Богдановичь, какъ сказываютъ, мало дорожилъ Душенькою, и славу свою основывалъ на другихъ произведеніяхъ, которыя безъ Душеньки вѣроятно выдали бы его. Державинъ разбиралъ не за долго передъ концемъ жизни рукописное изданіе своихъ твореній, и остановясь на одѣ: *Коварство*, сказалъ: вотъ такихъ стиховъ я писать былъ бы уже не въ силахъ! Слѣдовательно полагалъ онъ въ нихъ болѣе силы и мужественнаго пыла, чѣмъ въ пѣсняхъ *Къ Сосѣду*, *На Смерть Мещерскаго* и другихъ! — Въ семъ изданіи выборъ стихотвореній означаетъ въ Поэтѣ вкусъ вѣрный; онъ не имѣлъ предпочтительной привязанности къ инымъ твореніямъ, слабѣйшимъ предъ другими, какъ многіе родители, которые нѣжнѣе расположены къ щедушнымъ дѣтямъ ихъ преклонныхъ лѣтъ; но сочиненія, имъ изключенныя, и тѣ, которыя оставилъ онъ единственно по усильному убѣжденію Издателей, доказываютъ въ немъ и строгость излишнюю; осуждая ее, въ одно время и радуемся ей, какъ новому праву на уваженіе наше. Кончимъ желаніемъ, чтобы со временемъ другое новое изданіе не исправленное,

ибо и настоящее уже довольно исправно, но умноженно твореніями новыми, обогатило Словесность и порадовало любителей Поэзіи Русской и друзей славы образцоваго Поэта.

Дарованіе не старѣется, а умъ обогащается лѣтами. Вѣнки свѣжихъ лавровъ зеленѣли и на челахъ маститыхъ. Анакреонъ, какъ благодарный питомецъ и жрецъ Радости, подъ сѣдинами осыпалъ ея алтари цвѣтами яркими и душистыми. Фонтенель, какъ воинъ усердный, только изъ онѣмѣвшей руки выпустилъ оружіе, посвященное на служеніе истины и пораженіе предразсудковъ. Можно охолодѣть къ удовольствію и къ наслажденіямъ честолюбія; но какое сердце возвышенное не забьется съ живостію и горячностію молодости, при священной мысли о пользѣ? А кто болѣе Писателя - гражданина можетъ служить ей съ успѣхомъ! Побудитель образованности, вѣщатель истинъ высокихъ для народа, чувствованій благородныхъ, правилъ здравыхъ, укрѣпляющихъ его государственное бытіе, голосомъ наставленій поражающаго негодованія, или мѣткимъ орудіемъ осмѣянія, цѣлитель пороковъ невѣжественныхъ и предубѣжденій легкомысленныхъ или закоснѣлыхъ, сихъ язвъ заразительныхъ, убивающихъ въ народѣ начало жизни, Писатель всегда бываетъ благотворитель согражданъ, вожатый мнѣнія общественнаго и союзникъ безкорыстный мудраго Правительства.

Сентябрь, 1821.

LIBRARY OF CONGRESS
00025306727